

ТОМ ПОЛЛОК

СТЕКЛЯННАЯ РЕСПУБЛИКА

Шорт-лист British Fantasy Award, 2014

Небоскрежный трон

Том Поллок

Стеклянная республика

«АСТ»

2013

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Вел)-445

Поллок Т.

Стеклянная республика / Т. Поллок — «АСТ»,
2013 — (Небоскрежный трон)

ISBN 978-5-17-104020-8

Жизнь Кары Хан состоит из тайн: тайны ее трехмесячного исчезновения из школы прошлой зимой, тайной причины появления на ее лице множества шрамов, тайны существования Короля Кранов, Проволочной Госпожи, Леди Улиц и прочих опасных и причудливых существ. Но самая страшная тайна из всех – ее сестра-близнец Парва, двойник Кары в другом мире, в Лондоне-за-Стеклом – скрытой под поверхностью шумного мегаполиса обители монстров и чудес. Месте, где духи диких поездов бросаются врассыпную, по железнодорожным путям, а улицы освещают светло-голубые танцоры, со стеклянной кожей и сверкающими венами. Месте, которое невозможно забыть.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-17-104020-8

© Поллок Т., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Часть I. Девушка, которая оглянулась	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	46
Глава 10	49
Часть II. На голову выше	54
Глава 11	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Том Поллок

Стеклянная республика

Copyright © 2013 by Tom Pollock

© М. С. Фетисова, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Моей сестре Саре, которая всегда находит меня в конце дня.

Часть I. Девушка, которая оглянулась

Глава 1

Над спортивной площадкой грянул смех. Как и большинство видов оружия, он обладал двумя гранями, и высокой девушке в зеленом головном платке были хорошо знакомы обе. Она внимательно прислушивалась к нему, даже пока шутила сама, тревожно следя за малейшими изменениями.

– Если честно, пройдя недельный курс тренировок, я окунулась в мир подпольных боев без правил. Лицо – заслуга одной девахи, злобной маленькой твари вполтину меня ниже: спрятала в перчатки крошечные гвоздики. Никого не волновало, что это вообще-то запрещено. С каждым ее ударом я словно бы получала по лицу от росوماхи.

Несколько учеников, кутаясь от февральского холода, сгрудились вокруг Парвы Хан по прозвищу Карандаш или просто Кара. Она с трудом удержалась от того, чтобы плотнее обмотать лицо платком под их пристальными взглядами.

Одна из слушательниц, шикарная блондинка в шубке из искусственного меха, нетерпеливо зашипела:

– А если серьезно, Парва...

– Серьезно, Гвен? – Кара пожала плечами. – Если *серьезно*, то это все ревнивый любовник, заявивший: «Так не доставайся ж ты никому!».

Снова раздался, на этот раз быстро стихнув, нерешительный смех. Гвен Харди, слегка округлив глаза, переспросила:

– Э-э... правда?

– Конечно, – невозмутимо кивнула Кара. – А, может, это был расвирепевший кот – здоровенный мутант Котзилла. Когти вот такие, – она показала руками. – Не помню уже, столько времени прошло...

– Четыре месяца.

– Да ладно, это всего лишь мое лицо, а не что-то важное...

– *Парва!* – Гвен болезненно широко улыбнулась. – Так ты нам расскажешь?

Кара облизала шероховатые губы, отчаянно желая, чтобы ее тактика не предусматривала столь частого исполнения роли придворного шута перед маленькой свитой Гвен. Однако она без предупреждения исчезла на три месяца и вернулась с восстановленной губой и щеками в сплошных шрамах. Если хочешь снова влиться в школьное сообщество с таким багажом, нужно заручиться поддержкой кого-то влиятельного.

Кара устроила представление, оценивающе оглядев всех троих, словно решая, готовы ли они услышать правду: Гвен Харди, которую Творец в его бесконечной мудрости создал хорошенькой, умной и жесткой, словно алмазный резец, стояла рядом со своим парнем Аланом Джексоном, не глупее ее, но говорящим исключительно тихо и односложно. Все в нем казалось таким же рациональным и эффективным, как крепкий каркас, вшитый в форму его футбольной команды¹. Рядом с Аланом, стараясь не слишком явно показывать свое волнение от такого соседства, стояла миниатюрная веснушчатая Труды Шталь. Труды заменила недавно закончивший школу кошмар по имени Харриет Уильямс в роли неостановимой рукоятки школьной мельницы слухов и, казалось, все еще захлебывалась от восторга, в какую благородную компанию угодила.

¹ Речь идет об американском футболе, предусматривающем довольно «жесткую» игру. – *Примеч. ред.*

Кара поманила их к себе, и они, окруженные криками мелкоты, pinaющей по асфальту теннисные мячики, придвинулись друг к другу, затаив дыхание от неожиданной близости.

– Ну? – требовательно спросила Гвен.

Глубоко вдохнув, Кара тихо проговорила:

– Меня похитил живой моток колючей проволоки – слуга бога разрушения с подъемными кранами вместо пальцев. Я стала носителем этой твари, и она отправила меня убить Бет Брэдли, которая меня и освободила. Пока Бет резала чудовище заостренным прутком, я из последних сил удерживала его своим телом.

Воцарилось долгое молчание. Потом Алан, чуть не поперхнувшись, рассмеялся, Гвен, хоть и с улыбкой, топнула ногой, выпуская клубы разочарования, а Трудि буркнула:

– Черт, а я-то надеялась на что-нибудь стоящее.

Звонок возвестил об окончании утренней перемены, и, болтая, шумя и ругаясь, ученики Фростфилда потянулись к дверям главного здания. Все младше шестнадцати носили, по крайней мере номинально, сине-серую форму. «Сверху, – подумала Кара, – это всё, должно быть, напоминает устремившуюся к сливу волну грязной воды».

Гвен закинула сумку на плечо и положила руку Алану на шею, притягивая парня к себе и демонстративно целуя. Наконец, оторвавшись от него, она поинтересовалась:

– Что сейчас?

– Математика, – ответил Алан.

Гвен закатила глаза, и Труди, беря с нее пример, застонала.

– Какого хрена, – пробормотала Гвен. – С новой теткой? Этой Фургончик? Баранчик?

– Фаранчек.

– Неважно. У нее такой акцент – кто-нибудь вообще понимает, что она говорит? Никогда не думала, что скажу это, но мне реально не хватает Солта. Тру, тебе удалось узнать, что с ним случилось?

– Не особо, но парочка семиклашек болтает, будто его отстранили, – ответила Трудि. – Вроде бы какая-то телка настучала, что он ее лапал.

Кара почувствовала, как ее желудок сжимается.

– Правда? – она постаралась, чтобы голос не дрогнул. – Кто?

Трудि заметно приуныла:

– Они не знают.

– Лживая эгоистичная сучка, – раздраженно фыркнула Гвен. – Лишь бы внимание к себе привлечь, а нам с экзаменами подгадила. Вот, если бы какой-нибудь *парень* сказал, что Солт к нему полез...

Гвен не договорила, и все, включая Кару, захихикали, хотя шутка получилась несмешной – уши и ребра горели, и она чувствовала, как смех словно бы вонзает лезвие ей в живот, потому что иногда другого выхода у тебя просто не остается.

– Ты не идешь, Парва? – поинтересовалась Гвен, когда Кара не последовала за ними к дверям.

Кара покачала головой, натянув карикатурно-скорбное лицо и рисуя пальцем невидимую слезу, бегущую по щеке.

– Все еще пользуешься своей травмой? – шутливо *поцывав*, поинтересовалась Гвен. – Везучая буренка. Однако я тебя не виню. Могла б сачкануть, сама сачканула бы. – Она взяла Алана под руку, и неприкасаемая парочка вплыла внутрь. Труди помедлила, заправляя прядь рыжих волос за ухо.

– Ты все нам расскажешь, Парва, – добрым голосом проговорила она, явно волнуясь. – Твои истории забавны и все такое, и Гвен дает тебе поблажку, но рано или поздно ты нам расскажешь, что за фигня приключилась с твоим лицом. – Она склонила голову, изучая Карины истерзанные щеки. – Я просто хотела убедиться, что ты это понимаешь.

Кара выдавила из себя улыбку, почувствовав, как изгибаются шрамы: десятки насмешливых псевдо-ртов.

– Конечно, Труды, – кивнула она. – Будет здорово с кем-нибудь поделиться.

– Для этого и нужны друзья, – приподнявшись на цыпочки, Труды чмокнула ее в щеку и направилась к дверям.

Кара двинулась против движения текущих по спортивной площадке учеников. Что-то холодное приземлилось на ее ресницы: из желтеющих облаков посыпались снежинки. Девушка потуже замоталась в головной платок и содрогнулась.

«Ты все нам расскажешь».

Она должна была понимать, к чему это приведет. Кара болталась с Гвен, потому что ее... *покровительство* – иначе не назовешь – отбавляло весь остальной Фростфилд. Но Гвен не занималась благотворительностью. Блондинка хотела, чтобы все остальные видели: она – единственная, перед кем открылась искалеченная девушка. Единственная, кто может получить ответы на вопросы, от которых гудит вся школа.

Где Кара провела три недели прошлой осенью?

Что случилось с ее лицом?

И куда, черт возьми, *подевалась* лучшая подруга Кары, Бет Брэдли, без которой раньше ее не видели ни минуты?

Погруженная в свои мысли, Кара чуть не врезалась в школьный забор. Очнувшись, вздрогнула и сгорбилась под снегом. Поднялся ветер, и теперь его вой метался вверх и вниз, с легкостью меняя октавы. Девушка была только рада – все остальные поспешили внутрь, и шансов оказаться замеченной стало меньше. Старый корпус младших классов выходил на спортивную площадку перед ней, забинтованный сигнальной лентой, словно сломанная кирпичная нога. В нем нашли асбест, пока Кара отсутствовала, и все здание оцепили, разметив края запретной зоны оранжевыми конусами.

«Потайные места города так легко раскрываются», – подумала Кара.

Опасаясь видеокамер, она сжалась за клубком колючих вечнозеленых кустов, росших возле стены, окаймлявших проход к пожарной лестнице на задворках.

Воздух внутри был сырым, словно в пещере, но без ветра сразу стало тепло. В тусклом свете, просачивавшемся сквозь грязные окна, вырисовывались небольшие курганчики из мух. Пройдя по коридору, Кара перелезла через парочку перевернутых шкафчиков и нырнула в дверь справа.

Раньше здесь был туалет для девочек. Кабинки стояли открытыми, опущенные пластиковые крышки покрывал толстый слой пыли. Раковины выдавались из стены, словно подбородки драчунов, над ними были прикручены огромные безрамные зеркала.

На всякий случай удостоверясь, что она одна, Кара проверила кабинки.

В горле что-то тревожно заклокотало, когда она подошла к зеркалу и увидела себя вблизи: шрамы пересекали щеки, словно трещины на разбитом стекле. К счастью, доктор Валид задолжал отцу со студенческой поры, так что не взял ни пенса за восстановление ее ноздри и нижней губы, использовав кожу с бедра. Тщательно нанесенный грим мог скрыть границу между двумя типами кожи, но он же делал кожу слишком ровной, что бросалось в глаза. Большого, если люди подбирались слишком близко, от них было уже не спрятать.

– Это по-прежнему ты, Кара, – прошептала она. – Просто некоторые части поменялись местами.

Постепенно отвращение улеглось – спасибо заплесневелому полуразрушенному туалету, единственному месту в мире, где она могла найти понимание.

Наклонившись к зеркалу, она постучала по нему костяшками:

– Привет? Привет?

Ее голос гулко отразился от плитки.

Привет? Привет?

– Привет.

В зеркале Кара увидела худощавую девушку, выходящую из кабинки – одной из тех, которые она только что проверила. Гостья подошла к ней сзади, обняла за талию и положила подбородок на плечо. Кара чувствовала объятия девушки и приятное тепло ее щеки возле своей собственной, но не удосужилась скосить взгляд, зная, что ничего там не увидит. Она глядела в зеркало, изучая никем не отброшенное отражение.

Одежда оказалась разная – девушка в зеркале, очевидно, прошлась по магазинам. На ней были обтягивающие джинсы, стильная кожаная куртка и туфли на каблуках, поэтому, чтобы обнять Кару, ей пришлось немного наклониться. Платок на голове тоже выглядел новым: дорогой голубино-серый шелк. Однако лицо... лицо было таким же: смуглое, с тонкими чертами, проступавшими из-под хитросплетения шрамов.

Кара посмотрела в зеркало и увидела, как ее отражение раздвоилось. Две ее копии оглянулись назад.

Девушка рядом со своим отражением расплылась в ухмылке, так что рубцы, окружающие ее рот, даже стали по-своему красивыми.

– Хорошо выглядишь, подруга, – проговорила она.

Глава 2

Новое лицо Кары напоминало приятеля-тролля: из тех неверных манипуляторов, что прилипают к тебе, навязываются в лучшие друзья, требуют постоянного внимания и заботы, а потом, стоит появиться кому-нибудь другому, выставляют тебя на посмешище.

Выйдя из больницы, девушка не один час провела за туалетным столиком с тональным кремом, похлопывая, как ее учили, спонжем по бугристой перекрученной бесцветной коже в попытках превратить то, что она видела в зеркале, обратно в кого-то знакомого.

Первую неделю она ходила вообще без макияжа. На радостях, что выжила, девушка пыталась попадаться на глаза незнакомцам и завязывала разговоры на остановке 57-го автобуса о погоде или «Аббатстве Даунтон»². *Вынуждать* их смотреть на нее доставляло ей кровожадное удовольствие.

Оно того не стоило.

Только маленькие дети позволяли себе открыто тарашиться; взрослые же, если их застукивали пляшущимися, проявляли неожиданный интерес к собственным ботинкам, и Кара начала все больше и больше скрывать свое новое лицо.

Она стала бегать по ночам, уставившись в асфальт, чтобы не видеть Натрииток, зажигательно танцующих внутри фонарей, и бегала, пока морозный воздух не вспыхивал в легких огнем, а пот не пропитывал платок, повязанный вокруг головы. Нашла в интернете программу силовых тренировок и упражнялась в своей комнате, пока пальцы не покрылись броней мозолей, а она не начала несколько раз подтягиваться на перекладине над дверью. Воодушевление от того, что тело слушается ее, казалось демонстрацией неповиновения, вызовом миру, и она с удовлетворением смотрела, как сквозь туго натянутую кожу проступают ребра. Кара стала немного внимательнее относиться к тому, что ела, потом еще немного, и еще. Еда казалась опасной; она могла разрушить изменения, к которым девушка себя толкала. Она нарезала и перемешивала нут и шпинат в тарелке, сдабривала хлебом, но съедала совсем мало. Каждый не попавший в рот кусок казался очередной победой. Обеспокоенные взгляды родителей девушка старалась не замечать.

«Тебе виднее, Кара, – говорила она себе. – Это твое тело. *Твое*. Все будет хорошо».

Молиться стало практически невозможно. Не то чтобы ей никогда не случалось пропускать молитву в то время, которое она теперь называла просто «До». Тогда она, бывало, просыпала или носилась с Бет, или была так занята, что просто забывала, но тут было другое. Сначала она аккуратно выдерживала время: ей хотелось, чтобы молитва стала опорой, стержнем. Но знакомые слова застревают во рту, она запинаясь, не дочитывая до конца, чувствуя себя при этом ужасно, *глубоко* неискренней. В конце концов, перестала даже пытаться. Когда отец попробовал читать молитву дома, она заявила, что лучше будет молиться у себя в комнате, и долго смотрела ему в лицо, демонстрируя свои шрамы, пока он не бросил спорить.

Когда она стала укладываться с утренним макияжем в сорок пять минут, и руки перестали дрожать, держа спонж, Кара вернулась в школу.

Автобус № 57 вез ее мимо стройки на Далстон-Хай-роуд. С верхней площадки сквозь зябкий туман Кара видела краны, длинные и тонкие, словно зимние деревья. Они стояли неподвижно, их двигатели остановились и замолкли, но она все равно вжималась в кресло. Внутри одного из гаснущих фонарей что-то мелькнуло, и на мгновение на фоне стекла показалась рука.

В кармане задул телефон. Вытащив его, Кара прочитала: «*Слева*».

² «Аббатство Даунтон» (англ. *Downton Abbey*) – популярный английский телесериал в жанре «семейной саги», выходивший в 2010–2015 гг.

Снаружи в устье переулочка что-то мелькнуло: похожее на человека в капюшоне, но невообразимо быстрое.

Телефон снова загудел.

«Слишком медленно. Справа».

Через дальнее окно Кара увидела силуэт, перелетающий пропасть между двумя крышами.

«Кара! Это труднее, чем кажется, знаешь ли. Соберись и попробуй еще раз. Оглянись».

Кара, закатив глаза, медленно – очень медленно – оглянулась.

Вися вверх ногами, каким-то образом зацепившись за крышу и прижав нос к стеклу, девушка с кожей цвета бетона посылала ей длинный медленный поцелуй.

«Думала, я пропущу день твоего возвращения в дурку?»

Они остановились у металлических ворот Фростфилдской средней школы. Было еще слишком рано. Несколько ребят в форме, словно шерпы, сгорбились под рюкзаками около родительских автомобилей. Пара из них взглянула на Кару, но никто не признал. Она оглянулась через плечо, впитывая пейзаж. Терракотовые крыши восточного Лондона налегали друг на друга, словно сегменты насекомых, в длинных тенях высоток.

Одной ногой Бет оперлась о воротный столб – капюшон вверх, голова вниз – пальцы мелькали, пока она набирала сообщение. Остроконечный железный прут, с которым она теперь не расставалась, покоился на сгибе локтя. Она повернула экран к Каре. «Готова? Уверена?»

Кара выдохнула:

– Не-а, но я не уверена, что это вообще когда-нибудь произойдет, так почему бы не сейчас?

«Только хардкор, Карандаш Хан. Я тобою горжусь».

Асфальтово-серые глаза встретились с Кариными.

Не отводя взгляда, Бет набрала вслепую:

«Ты ведь знаешь, что я пойду с тобой, если захочешь? Черт с ними. Я все еще числюсь там. Просто скажи, и мы будем сидеть вместе на французском».

Кара с любопытством поглядела на подругу.

– Когда я в прошлый раз это предложила, ты не горела энтузиазмом.

Бет немного смущенно пожала плечами.

«Мне этого не нужно. Но я бы встала рядом с тобой перед расстрельной командой, если бы ты захотела».

Кара поступила бы так же.

Она коснулась щеки.

– Нет, спасибо, Би. Мне бы не помешало уйти с авансены, но боюсь, ты отберешь у меня последние крохи славы.

«Без паники! У меня есть копье».

Она шутила. Возможно.

И все равно Кара поморщилась при мысли о том, что Бет воткнет свой прут в любого, кто не так на нее посмотрит. Теперь в ее подруге чувствовалось что-то дикое, и она не могла ничего с этим сделать.

– Однако, – сказала она, – думаю, это могло бы немного поколебать Нормальное Функционирование.

Уловив виноватую вспышку в глазах подруги, Кара одновременно услышала эхо собственного голоса:

«С меня довольно путешествия вниз по кроличьей норе, Би».

Она так решила, и должна была этого держаться, не позволяя себе оглядываться. Бет протянула руку, Кара прижала свою ладонь к ее, и они переплелись пальцами. Странная кожа Бет царапнула подругу: теплая и шершавая, словно летний асфальт.

Бет набрала одной рукой:

«Найду тебя в конце дня».

Девушка с кожей цвета улиц с силой оттолкнулась от ворот, засунула прут под мышку и вплыла в медленно сгущающуюся утреннюю толпу.

Кара поймала несколько неодобрительных взглядов напыщенных «пенсов».

Опустив голову в капюшоне пониже, словно прячась от ветра, Бет могла сойти за обычного подростка, который, поглядев утром понедельника на школу, решил сегодня не заморачиваться.

«Ты – по-прежнему ты, – убеждала себя Кара, поворачивая обратно к воротам. – А школа – по-прежнему просто школа».

Как будто в этом-то и не состояла вся проблема.

Вцепившись в лямки рюкзака, как в стропы парашюта, она протолкнула себя в ворота.

В коридорах Фростфилда царила обычная какофония смеха, выкриков, подтекающих из телефонных динамиков басов, учителей, скрипучего линолеума и хлопанья шкафчиков. За всем этим Кара слышала отрывочное бормотание и прерывистые вздохи. Видела поспешно отводимые взгляды.

– ...смотрите, кто вернулся...

– ...что с ней *случилось*?..

– ...где ее припанкованная подруга?

– ...ее выгнали за ту фигню с граффити, помните?

– Не-а, Солт не стал это раздувать... кстати, а где Солт?

Кара точно знала, где доктор Джулиан Солт: под чертовой подпиской о невыезде.

Следователь, ведущий ее дело, звонила ей накануне, чтобы об этом сообщить. Та же темноволосая женщина с усталым взглядом неделю назад четыре часа ласковым голосом задавала Каре до боли тупые вопросы.

– Нет, – отвечала Кара, чувствуя себя маленькой и обиженной, сжимая мамину руку. – Мы никогда не делали... этого. Но он прикасался ко мне. Нет, силой не принуждал. Нет, это был... это был шантаж. Он угрожал засадить Бет в детский дом. Она моя лучшая подруга. Нет, она не знает. Нет, я не знаю, почему вы не можете с нею связаться.

И:

– Нет, шрамы не от этого. Несчастный случай.

И она громоздила все ту же нелепую ложь о витринном стекле, которую скормила приятелям, потому что как – как, во имя всего святого! – им было поверить в правдивую историю?

Каре потребовалось немало времени, чтобы распознать в черном удушающем чувстве, заклокотавшем в горле, ярость. Даже хотя ее уверили, что «дело движется» и «приняты меры», то, что Кара набралась храбрости и позвонила, а Солт по-прежнему спокойно угощался воскресным обедом дома в компании жены, привело ее в бешенство.

– Эй, Парва.

Кара удивленно подняла глаза. Улыбка Гвен Харди трещала электрическим напряжением вест-эндской вывески. Моргнув, Кара, запинаясь и заикаясь, произнесла:

– Г-Гвен.

Гвен одобрительно кивнула, словно Кара заслужила приз за то, что запомнила ее имя. Теперь коридор притих – все смотрели на них. Пристальное внимание показалось Каре ледяным ветром. Она приготовилась отвечать на неизбежный вопрос: «Что, блин, случилось с твоим...»

– Бет не с тобой? – спросила Гвен.

Кара покачала головой, скорее удивляясь, чем отрицая. Возможно, это имя впервые слетело с глянцевого губ Гвен, но она произнесла его с непринужденной интимностью, словно Бет была ее лучшей подругой, а не Кариной.

– Жаль! В любом случае, здорово, что ты вернулась. Если захочешь потусить за обедом, ты помнишь, где мы обычно сидим.

Кара медленно наклонила голову, стараясь не показать, насколько озадачена. Супер-пупер-правильные черты лица Гвен смялись, когда улыбка стала еще шире, хотя до глаз она так и не доехала. Лишь когда Кара посмотрела мимо нее на потрясенных других учеников и услышала возмущенный шепот, она поняла, что сейчас произошло.

Она была меченой, неприкасаемой уродиной. Кара уже подготовила себя к этому, настроилась на битву. А Гвен Харди нарочно все это перечеркнула. Вышла и предложила бедной и несчастной приют, потому что *могла* себе это позволить как единственная, кому не пришлось бояться социальной заразы, принесенной с собой искалеченной девушкой. Она была неприкасаемой в другом смысле и использовала Кару, чтобы просто ткнуть в это носом всех остальных.

...она просто использовала меня...

Кару вдруг забила дрожь.

Все смотрели на нее.

Пальцы забарабанили по бедрам; она попыталась остановить их, но не смогла.

По коже пробежали горячий и холодный озноб.

...использовала меня...

Кара быстро моргнула, и в памяти всплыли образы: лицо, высеченное в разодранной кладке на стройке; краны – металлические когти; стальные колючки впиваются в кожу. Грудь напряглась, словно связанная проволочным жгутом. Кара вспомнила подсыхающую на щеках кровь, попыталась было утихомирить мышцы, и горячий стыд окатил ее с головы до ног, когда она потерпела неудачу.

Кара бросилась вон из коридора.

Закрытый корпус для младшеклассников был единственным местом, где она могла побыть в одиночестве.

Девушка нечаянно обнаружила себя в туалете, сидящей на холодном полу, обнимая колени, пока дрожь не унялась.

– Вот, значит, – отдышавшись, пробормотала она себе под нос, – каково возвращаться. Ну, ладно, мы ведь справились? В следующий раз справимся лучше.

Она отвернулась от зеркала на стене и со щелчком открыла пудреницу. Это был ритуал, важный, как все ритуалы.

– Это все та же ты, – прошептала она. – Тебя просто немного переделали.

Она посмотрела на себя, пойманную между маленьким круглым зеркальцем и внушительными безрамными панелями, прикрученными к кафелю: покрытые бесчисленными шрамами девушки в платках со смазанным макияжем вытянулись в ряд отражений, словно их было ровно по одной на каждую причину, что привела ее сюда.

А потом все ее отражения вдруг сплющились в одно. Мгновением позже карманное зеркальце разбилось, боль пронзила череп, и девушка закричала. Казалось, дрожащая линия разлома прошла прямо через ее голову.

Мир вокруг затрясся и расплылся. Под ладонями оказались холодные плитки, болели ушибленные колени. Кара не помнила, как упала. К горлу подступила тошнота, но она подавила ее.

Ее быстрое прерывистое дыхание было единственным звуком в тишине. Она поднялась, пошатываясь, и потянулась уцепиться за раковину, чтобы восстановить равновесие.

– Кара.

Ее собственный голос. Немного странный, словно записанный на автоответчике, но ошибки быть не могло.

Кроме того, что она ничего не говорила.

– Кара... – голос донесся у нее из-за спины, где были только кафель и зеркало. Он звучал обескураженно и очень, очень напуганно. – Кара, *пожалуйста*...

Девушка втянула восстановленную губу между зубов и прикусила ее.

А потом оглянулась.

Глава 3

– Гвен не так уж и плоха, – заявила Кара, растягиваясь на холодном бетонном полу. – По крайней мере, не так, как толпа, с которой она хороводится. Они... – она стала нащупывать нужное слово.

– Ядовитые? – вставила девушка за зеркалом. Ради взаимного удобства они договорились, что она Парва, а не Кара.

– Я на полном серьезе считаю, что если Иран накопит стратегические запасы друзей Гвен Харди, туда вторгнутся американцы... А против Труди Шталь, наверное, есть персональная конвенция ООН.

Смех Парвы отозвался через стекло.

– Ну что, в честь твоей новой шайки?.. – отражение девушки пошарило в статусной кожаной сумке и к Кариному удивлению вытащило бутылку вина. – Надеюсь, они сделают тебя немного счастливее.

– Ты еще и *пьешь*?

– Кара, – терпеливо проговорила Парва. – За последние четыре месяца я была похищена чудовищем из колючей проволоки, скакала во главе армии трубчатых волков и вернулась в школу посреди семестра. Есть лишь одна девушка, настолько же, как и я, заслуживающая выпивки, и я с радостью поделюсь с нею.

Она отвинтила крышку и сделала несколько глотков прямо из бутылки, прежде чем приложить ее к губам Кариного омертвевшего отражения.

Кара отпрянула:

– Но я никогда... – начала она.

Оскалившись на нее через зеркало, копия сказала:

– А я больше не ты.

Кара это знала. Она засыпала Бет осторожными вопросами, изображая праздный интерес, и выудила, сколько смогла, о зеркальной знати и их зазеркальном городе. Девушка по ту сторону стекла образовалась из нее – сложилась из ее бесконечных отражений, пойманных между двумя зеркалами, – но на этом их сосуществование закончилось.

С этого момента Кара и Парва разошлись, словно лучи преломленного света; теперь у Парвы были собственные чувства, *жизнь*, насчитывающая уже несколько недель с тех пор, как она впервые ступила в *ничто*, простиравшееся за отражением двери туалета.

Она пила вино, ела мясо и ругалась, как рядовой с геморроем. К зависти Кары, ей даже удалось устроиться на работу, хотя она и не признавалась, чем занимается.

И все же она по-прежнему *была* Карой: почти семнадцать лет они были одним целым. Парва перевидела все, что видела Кара, перечувствовала все, что чувствовала Кара. У нее словно бы появилась сестра, странный близнец – близнец, который понимал *всё*. Даже Бет было до нее далеко.

– ...Хочу тебе кое-что показать, – Парва тихонечко дунула в горлышко бутылки, и текущий трубный звук отозвался в обоих туалетах. – Дай мне руку. – В зазеркальной комнате она протянула руку к отражению Кары. Кара потянулась к пустому пространству перед собой и почувствовала, как на ее коже сомкнулись теплые невидимые пальцы.

– Что ты?..

– Ц-с-с, – Парва снова полезла в сумочку.

Вытащив телефон с наушниками, она вставила один себе, а второй – в ухо Кариного отражения.

Кара услышала треск старомодного вальса и почувствовала призрачную руку на поясе.

– Давай, – подбодрила Парва, – раз-два-три, раз-два-три!

И они растворились в скрипучей музыке.

Кара неуверенно поддерживала ритм, немного спотыкаясь, обнимая пустоту. В зеркале она видела, как ее ведет с иголки одетая копия.

– Раз-два-три, раз-два-три – вот так.

Кара почувствовала, как ее руки поднимаются над головой, и закружилась под ними в ритме лихого гиканья Парвы. Девушка поймала себя на том, что смеется, пока они кружатся по полуразрушенному туалету, словно по бальному залу девятнадцатого века.

– Где ты этому научилась?

– Раз-два-три. На работе: меня учат всяким таким вещам, это...

– Ау! – Кара внезапно вырвалась. Она запрыгала по кругу – боль шипами впиалась в ногу.

– Извини! – поморщилась Парва. – Я не привыкла вести и э-э-э... обувь тоже новая.

– Ага, я заметила, – Кара сползла по стене туалета и стянула кроссовок и носок. По ощущениям Парвин головкружительный каблук пронзил кожу, но, по крайней мере, крови не было. – Тебе пришлось вернуться к Выси, чтобы на них вскарабкаться?

Парва улыбнулась из зеркала. Шутки об убиенном Короле Кранов были частью их повседневности. Они чувствовали прилив странного мужества, обезоруживая смехом воспоминания о своем похищении.

– Сама справилась, – ответила она. – Легко!

– Весьма недурные. Тоже с новой работы? – Кара театрально схватила за сердце. – Вот она: смертельная доза. Официально заявляю, что ревность, которую я испытываю, несовместима с жизнью. Новые модные туфли, модные уроки танцев: хотя бы скажи своему новому боссу, что это пахнет рабовладением.

Парва пожала плечами:

– Извини, сестренка. На самом деле новый босс весьма мил. Как и все – по крайней мере, большую часть времени.

– Большую часть времени.

Ее зеркальная сестра нахмурилась.

– Ничего особенного, просто... здешние лучшие люди – только некоторые, заметь, и только иногда – но... То, как они смотрят на меня... Я чувствую эти взгляды, поворачиваясь к ним спиной. Иногда... иногда я не могу избавиться от ощущения, что они хотят меня прикончить.

Кара вздохнула. Звучало знакомо.

– Думаю, после всего случившегося с нами чувствовать подобное – нормально, понимаешь?

– Понимаю. – Парва прикусила отраженную губу. – Просто они смотрят на меня странно.

– Не хочу огорчать тебя, дорогая, – сказала Кара, – но ты собрала на своем лице три пятых общего объема шрамов западного мира. – Она мягко улыбнулась. – Так ты расскажешь мне, что это за волшебная новая работа?

Парва уже собиралась рассказать, когда в закрытое окно влетел далекий отзвук звонка.

– Расскажу в следующий раз, – девушка в зеркале всегда, словно Шахерезада, приберегала последнюю историю на потом.

Кара надула губы и направилась к двери.

– Как угодно. Хорошей работы.

– Кара, подожди.

Кара остановилась в дверях. Нотка одиночества в голосе ее двойника теперь казалась сильнее.

– Как Бет?

– Все бомжует, – сухо ответила Кара. – Якобы до сих пор живет дома, но не думаю, что Пол часто ее видит. Все хорошо, но немного... – она попыталась подобрать слова. – Бет думает, что я...

– ...винишь ее, – тихо закончила Парва. – Так и есть. Немножко. Я тоже виню. Должно пройти время.

Кара не ответила.

– Слушай... – помедлила Парва. – Как думаешь... как думаешь, она придет сюда? Я понимаю, почему ты не рассказала ей обо мне, но... было бы здорово повидаться с нею, понимаешь?

Кара представила, как приведет сюда безмолвную серокожую девушку; посвятит в свой последний секрет, и обида тут же обожгла ее горло. Кара любила Би, но это было ее святилище, убежище от жизни, которой она жила из-за Бет.

Обида быстро перегорела. Она любила Би, как и Парва. И в отличие от Кары, Парва уже несколько месяцев не видела своей лучшей подруги.

– Спрошу.

– Спасибо, – Парва с облегчением улыбнулась. – Что у тебя сейчас?

– Английский. Ричард Третий. – Кара передразнила голос из рекламы фильма. – *Горбун возвращается!*

Парва фыркнула над слабой самоиронией.

– Хорошо, что ты хоть красивая – с такими-то шуточками.

– Нарцисс, – возразила Кара.

Ее копия рассмеялась:

– Выметайся!

Глава 4

Бет натянула капюшон и переступила порог канализации, сжимая железный прут, словно копьё.

С каждым шагом она питалась окружающим ее городом, черпая силу и знания голыми стопами бетонно-серых ног.

Рельсовая химера цокает по Блэкфрайарскому мосту, словно железный сердечный приступ...

Пара уличных фонарей гневно мерцают друг на друга через Электрик-авеню: спор между сестрами-Натриитками разгорелся до оскорблений и вызовов на дуэль...

Сквозь стены старого дома в Хэмпстед едут Каменники, сотрясая стонущую кирпичную кладку мелкой рябью, а в спальне наверху мать успокаивает испуганную дочь, шепча: «Старые дома всегда немного поскрипывают, детка...»

Балковые пауки мчатся вдоль проводов под тротуарами, перешептываясь белым шумом, помехами и украденными звуками...

От того, какими знакомыми звучали паутиновые голоса сквозь шум помех, у Бет заныло в груди.

Стояла обычная лондонская ночь. Обычная, да не совсем, ведь впереди, глубоко в туннелях, таилось нечто очень необычное и такое трудноуловимое, что, не будь Бет в пределах сотни футов от него и не прислушивайся изо всех сил, то, несомненно, пропустила бы...

Островок полнейшей тишины.

Крошечный, не больше ее кулака. Но девушка слышала, как вокруг него преломлялись другие лондонские звуки. Это *наверняка* то, что она искала.

Бет прочесывала Лондонские коллекторы последние пять ночей, и вот он – первый знак, который удалось найти. Сердце забило чаще, она покрепче сжала копьё и прибавила шаг, не переставая вслушиваться в плеск смыкающейся вокруг лодыжек воды.

Поток расширился и углубился, и девушка пошла вброд по колено. Окутываемая обильными канализационными газами, Бет потрясла головой, пытаясь их разогнать. Справа от нее два смутных человекообразных огонька, один оранжевый, второй белый, перепорхнули через устье туннеля на безопасном расстоянии от воды. В их свечении чувствовалось разгоряченное волнение, заставившее Бет улыбнуться. Межспектральные пары по-прежнему оставались редкостью, но спустя несколько месяцев после войны их становилось все больше и больше: те несколько коротких дней, когда Белосветные и Натриитки бок о бок сражались с Королем Кранов, разомкнули какие-то старые цепи. Девушка задумалась, сколько их пробиралось сюда, пока не одобрявшие подобного старейшины подремывали в дневном свете. Эти двое припозднились.

«Разноламповая любовь», – улыбка Бет растянулась в ухмылку.

Последняя романтическая вспышка померкла, и все вокруг заволокла непроглядная тьма. Несколько месяцев назад Бет осталась бы совсем слепой, но сейчас она видела кирпичные туннели в новых красках: оттенков синяков и грозových туч.

Она вспомнила парня, самоуверенного, тощего и гибкого, носившего то же копьё, что и она сейчас.

«Таким ты видел город, Фил? – задумалась она. – Такой увидел меня?»

Мысль оказалась подобна уколу в сердце английской булавкой.

Завернув за следующий угол, девушка лицом к лицу столкнулась со своей добычей.

Ящер выглядел не очень, но, справедливости ради, она его, кажется, тоже не впечатляла. Цепляясь за кирпичи – полтора дюйма зеленовато-коричневой кожи, – он почернел, скосив на нее глаза, но не двинулся с места.

Не осознавая этого, девушка затаила дыхание.

«Теперь помедленнее, Бет, – велела она самой себе, – помедленнее, как ленивец с похмелья. Помни, что сказал Свечник: не разозли его, покуда не прижмешь».

Бет не двигалась – даже чтобы подобраться к нему. Волоски на шее и предплечьях встали дыбом, и она отчетливо чувствовала каждый из них.

Невпечатляющий ящер медленно моргнул.

Он не только не издавал ни звука – Бет слышала, как звуки в туннеле изгибаются вокруг него. Капающая вода и снующие крысы порождали бесконечные отзвуки от кирпичных стен канализации, но ни один из них не проник в кокон тишины крошечной рептилии. Язык ящера металлически поблескивал, высовываясь попробовать воздух.

«Посиди-ка там еще несколько секунд...»

Девушка дотянулась через плечо до рюкзака и медленно вытащила стеклянную банку без крышки. Ящер уставился на нее.

Она уставилась в ответ.

Ящер снова моргнул.

Бет метнулась. Стекло звякнуло, соприкоснувшись с кирпичом, и девушка плотно прижала банку к стене. Ящер забился внутри.

«Попался!» – мысленно возликовала Бет.

Она слышала цоканье его коготков – непроницаемый газовый пузырь лопнул. Девушка прижалась к основанию банки. Пальцы вспотели. Мышцы в руке натянулись, словно гитарные струны, и она поняла, что ее всю трясет.

Существо замерло и уставилось на нее через стекло яростным расширившимся глазом.

«Что ж, – подумала она, – спасибо Темзе за э...»

Телефон в ее кармане взорвался забористым гитарным риффом, и Бет подпрыгнула. Влажные кончики пальцев скользнули по стеклу; она попыталась снова в него вцепиться, но было уже слишком поздно. Звонок оборвался как раз вовремя, чтобы она услышала звон разбивающейся банки.

Бет едва успела удивиться, как, во имя Темзы, сигнал смог добить досюда, когда ящер сорвался со стены.

«Вот дерьмо».

Долю секунды рептилия падала, а потом зависла в воздухе. Вильнув хвостиком, ящер начал лениво вращаться, словно крокодил в воде.

«Дерьмовое дерьмо».

Он крутился все быстрее и быстрее, его очертания размылись, и Бет почувствовала, как зловонный воздух подземелья приходит в движение. Края ее одежды зарябили, вонь загустела, прилипнув к губам, в нос ударила едкая волна газов. Хвост ящера опустился и завертелся, смешивая метан с аммиаком, словно художник – краски. Бет попыталась дотянуться до него, но воздушные потоки сбивали руки. Завитки газа быстро текли вокруг, создавая вакуум. Бет перестала чувствовать запахи, слышать звуки – она попала в клубок тишины. Заскрежетав зубами, девушка скрючила пальцы, но, оказавшись в витках быстро движущегося газа, не могла даже поднять руку.

«Не в витках, – подумала она, беспокойно наблюдая за крутящимся ящером. – В когтях». Когда ноги оторвались от пола, содержимое желудка перевернулось.

«Беспрецедентное суперпредложение: купи одно ведро дерьма и получи второе в подарок».

Внезапно ящер перестал вращаться и завис в воздухе, однако газ продолжал носиться вокруг него, лупя Бет и одновременно держа ее на весу. Ящер, медленно покачиваясь в глазу созданного им миниатюрного урагана, мелькнул языком, пробуя свою работу, потом повернул

зрачок в сторону Бет, и она могла поклясться, что увидела самодовольную улыбку на его рептильной морде.

Щелкнув один раз хвостом, он вылетел из туннеля, словно стрела из лука. Желудок Бет сжался: ее потащило следом.

Мимо, обдирая пальцы, хлестали кирпичи. Вспыхнула боль; маслянистая кровь пузырилась, сворачиваясь со скоростью цемента. Девушка едва дышала. Внутренние органы словно бы размазали по грудной клетке.

Они летели слишком быстро, и ей не хватало света, чтобы хоть что-нибудь рассмотреть. Бет отчаянно цокнула языком, но мчащийся воздух украл звук, и до нее не долетело никакого эха. Пока они крутились, огибая углы, копьё чиркало по стенам, выворачивая руки, но она намертво вцепилась в железный прут – если бросить его здесь, то уже не найдешь...

«Я не знаю, где нахожусь».

Бет передернула от этой мысли. Лондон был ее городом – она могла коснуться любого дюйма и узнать, где она. Но ее лишили контакта; она оказалась отрезана, заперта в пустом пространстве. Растерянность накрыла, словно тошнота.

В туннель просочилось немного больше света, и глаза ящера замерцали. Пол внезапно оборвался, и Бет увидела канализационный поток, обрушивающийся водопадом под ногами, теряясь во тьме. Девушка запрокинула голову, но потолка туннеля не увидела. Они летели в центре кирпичного ущелья, покрытого тенью сверху и погруженного в тень снизу. Свет лился через крошечные ниши, выдолбленные в правой стене, – тысячи беспорядочных светильников, рассыпавшихся, словно звезды в созвездиях. Бет заглянула в одну из щелей, когда они пролетали мимо, и увидела тошнотворно фосфоресцирующую стеклянную колбу, плотно закупоренную пробкой.

Что-то захлопало мимо лица, и девушка резко отпрянула. Крылатое нечто уселось на краю одной из ниш и тихонько заворковало. «Голубь? Здесь?» – недоверчиво подумала Бет, выворачивая шею, чтобы посмотреть за себя на тающую вдали фигурку.

Голубь чистил растрепанные крылья, покрытые какой-то жидкостью, поблескивающей в лунном свете. Едкий запах обжег ноздри Бет: *нефть*.

С запахом нахлынули и воспоминания: она погружается в грязный бассейн, где все соки и само естество города вцепляются ей в кожу, вторгаясь внутрь и меняя ее, пока люди в пропитанных – буквально сочащихся – нефтью костюмах ждут на берегу.

Бет подумала о цене, которую промасленные люди потребовали за ее перевоплощение: главное качество тощего парня с городом в коже, делавшее его человеком. Паника ударила ее в живот, когда она представила падение в простирающийся под нею мрак и задумалась, какую плату могли бы потребовать эти люди за то, чтобы вывести ее отсюда.

Наконец, она поняла, где находится. Здесь ей было не место; эта часть города принадлежала нефтяным людям из Химического Синода.

«Убраться. Убраться, – нетерпеливо толкнулась в голове мысль. – Мы должны убраться отсюда».

Но у нее не было голоса, чтобы озвучить мольбу, – его она уже продала.

Летающий ящер держал ромбообразную голову строго перед собой, таща девушку с головокружительной скоростью. Извиваясь, Бет почувствовала, как его когти из аммиака и метана сомкнулись вокруг нее. «Заберите нас...»

Продолжая извиваться, девушка умудрилась освободить одну руку и, забившись, сама того не желая задела брюшко крошечного существа.

«...отсюда!»

Голова ящера дернулась, и он посмотрел вверх, словно что-то учуяв: едва уловимое движение.

Не смея надеяться на удачу, она снова протянула пальцы – но все без толку: дотянуться не получалось. Бет напрягала каждый сустав, преодолевая отталкивающий ее поток газа, но едва смогла коснуться пальцем кожи маленькой рептилии.

В стене над ними она увидела устье бокового туннеля.

«Пожалуйста, – снова подумала девушка, – пожалуйста, заберите нас отсюда».

Что-то вроде разряда статического электричества метнулось от ее лба к пальцам. Голова рептилии мотнулась вверх, она начала набирать высоту: девушка почувствовала биение невидимых метановых крыльев. Сердце подскочило в недоверчивом облегчении, но тут же снова загнулось.

Ящеру не хватало подъемной силы.

«Я слишком тяжелая. – По телу прокатилась горячая дрожь. – Он не может взлететь...»

Ящер накренился вправо, резко и внезапно, и желудок Бет перевернулся. Металлический язычок ударился о кирпичную стену, высекая искру. Ударил жар воспламенившегося газа; Бет прищурилась от яркого света, на лбу выступили бусинки маслянистого пота. Мышцы напряглись в ожидании, что ее поглотит пламя, но сверкающая волна отступила. Прошло несколько секунд, прежде чем она с облегчением разлепила веки.

И впервые увидела удерживающую ее тварь *целиком*.

Маленький ящер плыл сквозь кипящий воздух в центре гораздо более внушительной призрачной – внешней – рептилии, очерченной голубым огнем, где горел метан. Газодвижущееся создание пошевелило грязными пальцами, и Бет увидела впечатляющие огненные когти, загибающиеся в ответ. Крошечный ящер мотнул головой – и огромная горячая морда, словно марионетка, тоже качнулась. Дернул маленькими бугорками на спине – и огненные крылья отозвались хлопками.

Когти, словно факелы, вцепились Бет в талию. Языки пламени прожгли дыры в толстовке и оставили следы копоти на руках, но не причинили ей вреда: бетонная кожа оказалась огнеупорной.

Канализащер бил огненными крыльями, восходящий поток поймал их, и они ринулись в устье туннеля. Закутанная в голубое пламя, Бет молча возликовала. Они петляли через стыки, влево, вправо, снова влево, затем пространство пронзил иной свет. Ее окатил свежий воздух – они вырвались из арочного прохода на речной берег.

Взмывая прямо вверх, Бет осмелилась взглянуть через плечо и увидела растворяющегося вдали индустриального дикобраза Купола тысячелетия. Под ними раскинулся ночной Лондон, освещенные улицы казались реками магмы, бурлящими среди черных скал крыш.

Пальцы Бет все еще касались мягкого подбрюшья ящера. И тут девушку пронзила идея.

«Налево», – подумала она, и канализащер опустил левое крыло, накренившись к западу.

«Направо», – длинная шея загнулась в противоположную сторону. Жар от огня омыл лицо Бет, когда дракон выправился. Взвинченная и напуганная ее послушанием, девушка устала на рептилию.

«С чего ты вдруг стал меня слушаться?»

Карман загудел, потом снова, и снова – три сообщения. Она знала только одну девушку, которая стала бы писать ей посреди ночи. Зажав копые под мышкой, Бет вытащила телефон.

«Можешь прийти сегодня?»

«Хочу у тебя кое-что спросить».

«Пожалуйста?.. Сегодня. К».

Бет ехидно улыбнулась, почувствовав пламя у себя на зубах.

«Ага, Кара, – подумала она. – Могу. Меня подбросят».

Канализащер накренился и закрутился в им же создаваемых потоках воздуха, ложась на новый курс. Внизу, в темном зеркале Темзы Бет увидела крылатую огненную полосу, направляющуюся на север.

Кара успела снова задремать, когда ее телефон ожил. Она взглянула на экран затуманенным взглядом.

«Кара?»

Всего одно слово. Кара нахмурилась.

«Бет», – набрала она и нажала «отправить».

Секунду спустя телефон загудел у нее в кулаке.

«Кара?»

Он жужжал снова и снова, без перерыва, словно настырный ребенок.

«Кара?»

«Кара?»

«Кара?»

Кара вздохнула. Даже погрязнув во всех своих странных способностях и естестве города, Бет обожала злоупотреблять безлимитным пакетом сообщений.

«Что?» – раздраженно ответила Кара. На часах было пять утра. Она не спала, снова и снова прокручивая разговор в голове, оттачивая слова, с которыми покажет Бет Парву, объяснит, почему хранила тайну, но Би заставила ее ждать, небо уже светлело, и Кара почувствовала, что теряет концентрацию. Тревога всколыхнула желудок: девушка была уверена, что все испортит. Часть ее надеялась, что Бет напишет, будто гоняется за рельсовой химерой на другом конце города и не может выбраться. Телефон снова зажужжал.

«Раскрой занавески».

Кара слезла со своей узкой кровати и потопала к окну. Быстро отвела занавеску в сторону... и стукнулась копчиком об пол, не успев понять, что упала. Кара глядела наверх с широко раскрытыми глазами и отвисшей челюстью. Бет сидела на подоконнике, непостижимым образом балансируя на карнизе на кончиках серых пальцев.

За ее спиной, расправив крылья, словно геральдический зверь, парило сотканное из огня чудовище.

Бет усмехнулась, потыкав в свой мобильник, и Карин телефон снова загудел. Она оцепенело подняла его между собой и огненным созданием.

«ПРИРУЧИЛА ВОТ ДОЛБАНОВОГО ДРАКОНА».

Кара потрясла головой, словно вокруг кружилась муха. В ушах звенел пронзительный писк. Она медленно подалась вперед, подняла раму и наконец-то обрела голос:

– Хм, Би?.. Этот... м-м-м... Это твой?

Улыбка Бет стала еще шире. Девушка пожала плечами со счастливым жестом «Смотри сама», быстро написав: «Думаю, назову его Оскаром».

– А ты не могла бы отвести Оскара чуть подальше, пока он не спалил мой дом?

Улыбка на лице Бет сменилась тревогой. Каким-то образом развернувшись на крошечном карнизе, она потянулась к огню. Внутри чудовища проглядывал темный силуэт: маленькое черное пятнышко в сердце газового пламени. Как только пальцы Бет прошли по силуэту, огонь внезапно погас. Крошечный ящер вскарабкался по руке девушки и устроился на плече. Щелкнув языком, он уставился на Кару, прищулив маленькие черные глазки.

Бет снова написала:

«Это канализатор, он управляет газами. Метаном и другими. Думаю, может высосать их и из труб – сыграть злую шутку с твоим счетом за газ. Правда, крутой?»

Кара поглядела на свою лучшую подругу.

– Канализационные газы? – невозмутимо переспросила она. – Seriously? Ты нашла пукающего дракона?

Лицо Бет немного вытянулось, потом она улыбнулась и протянула руку бетонно-нефтяного цвета, словно говоря: «Кто я такая, чтобы судить его?»

Кара отпрянула от окна, и Бет залезла внутрь. Теперь она двигалась по-другому, огибая угол, словно уличная крыса, и оставляя маслянистые отпечатки на белой краске. Оказавшись внутри, она позволила маленькому ящеру переползти с руки на руку, поглаживая его кончиком пальца. Рептилия заскрежетала от удовольствия, почти как кошка. Посмотрев на них двоих, Кара почувствовала, как в груди оседает разочарование.

Бет достала телефон, и Кара посмотрела на экран через ее плечо:

«Он удивительный. Я отправилась за ним в туннели, и он чуть не надрал мне зад, но когда я прикоснулась к нему... Он вдруг изменился, словно захотел защищать меня. Словно хотел делать то, что я от него хотела. Он...»

– Би, – Кара успокаивающе взяла Бет за руку.

Бет опустила телефон и выжидающе подняла брови.

– Знаешь, иногда просто хочется, чтобы ты зашла через дверь.

На лице Бет проступило напускное возмущение. Она указала на ящера у себя в ладони и на город за окном, словно бы говоря: «Когда мне принадлежит все это, заходить в дверь преступно скучно».

– Да, знаю, – с возрастающим раздражением огрызнулась Кара. – Ты принцесса города с этой своей фасонистой серой кожей, металлическим жезлом и здоровенной табуреткой на вершине Канэри-Уорф, и я рада за тебя – правда, рада, но не нужно тыкать меня этим в лицо каждую минуту каждого долбаного дня.

Возможно, она чересчур нажала на слово «лицо» – девушка не была уверена.

Не то чтобы она этого добивалась, но Бет побледнела: ее бетонная кожа посветлела на несколько оттенков.

– Прости, Би, – Карин голос смягчился. – Я просто... В школе оказалось нелегко, и...

Она замолкла, не назвав доктора Солта. Бет еще не знала про учителя математики. Сейчас она вела ночной образ жизни, проводя большую часть времени на улице, так что хранить секрет не составляло большого труда.

– ...нелегко, понимаешь?

Бет протестующе подняла руку, но Кара собралась и продолжила:

– Слушай, я знаю: ты пошла бы со мной, если бы я попросила, Би... знаю, что ты хотела бы, но не можешь, правда? Разве что прихватив с собой весь этот мир. Теперь это твой мир, но я не хочу его, Би. *Не хочу*. С меня достаточно.

Девушка коснулась щеки, с которой уже смыла макияж. Секунду Бет пристально смотрела на подругу со страдальческим выражением на сером лице, а потом пошла к окну. На мгновение Каре показалось, что Бет хочет уйти, но та высунулась, распластавшись на подоконнике, и начала шарить под карнизом.

Снова забравшись внутрь, Бет кинула что-то хрупкое в протянутую Карину руку.

Яичная скорлупка, красная, в белых крапинках, надколотая с одного конца. Сперва Каре показалось, что это обычное голубиное яйцо, но потом она почувствовала его текстуру – грубую на ощупь.

Оно было кирпичным; песчинки оказались крошечными пятнышками раствора. Что-то застучало внутри, когда Кара перевернула яйцо и вытряхнула на ладонь крошечный пучок перьев, прижавшийся к ее коже. Состоявший из шифера.

Бет взяла телефон, настучала сообщение и повернула экран к Каре:

«Черепичный голубь. Прямо под твоим карнизом, Кара. Под твоей крышей. Есть лишь один мир, и ты живешь в нем каждый день».

Кара слегка напряглась, когда Бет заключила ее в объятия.

«Прости, – напечатала Бет, отпуская подругу. – О чем ты хотела со мной поговорить?»

– Я хотела тебя кое о чем спросить, – сказала Кара. Она собралась с духом, чтобы произнести имя Парвы, раскрыть секрет своей копии, а потом запнулась. *Есть лишь один мир*. В ее сознании всплыло улыбающееся лицо зеркальной сестры.

– Есть ли способ попасть за зеркала? – Только когда вопрос сорвался с губ, девушка поняла, как долго она об этом думала. – Туда, где живет зеркальная знать?

Бет нахмурилась, набрала сообщение, стерла и снова набрала. Кара ожидала увидеть полный подозрения вопрос, но Бет всего лишь написала:

«Не знаю. Ни Фил, ни Гаттергласс об этом никогда не упоминали».

Потом, поколебавшись, добавила:

«Химический Синод, возможно, знает способ, но цена, которую они заломят, того не стоит».

– О, – Кара слегка поникла. – Окей.

Ее голова опустилась, но асфальтовые пальцы поймали девушку за подбородок. Казалось, серое лицо Бет вот-вот треснет от озабоченности:

«Ты все еще пишешь?»

Кара моргнула, взволнованно отворачиваясь:

– Да, Би. Постоянно.

Бет развела руками, приподняв бровь:

«Да, но?»

Это было правдой, Кара записывала полустроки в свой блокнот, но на следующий же день стирала. На бумаге они казались такими вялыми и неполноценными. Она не писала настоящих стихов с тех пор, как четыре месяца назад вышла из больницы.

«Кара, ты в порядке? Мы никогда не хранили друг от друга секретов».

Кара мягко отвела телефон Бет:

– Знаю, Би. Но, может, стоило бы...

Из уважения к Каре Бет спустилась по лестнице и вышла через парадную дверь Ханов.

Замешкавшись на мерзлом асфальте, она наблюдала, как тонкий силуэт Кары вернулся к окну. За последние несколько месяцев она не раз точно так же наблюдала с улицы или с крыши напротив. Видела, как Кара тренируется, как заковывает себя в каркас жесткой дисциплины, стремясь ко все большему контролю над своим телом. Бет думала, что понимает, почему, и это ее беспокоило, но, как вмешаться, она не знала.

Однако сегодня Кара делала нечто, чего Бет никогда не видела прежде: ее рука изогнулась в воздухе, словно обвиваясь вокруг невидимого партнера. Она танцевала.

Глава 5

– Парва.

Едва услышав свое имя, Кара поняла: что-то случилось. Ощутила, как в животе туго скрутилось предчувствие. Гвен говорила тоном, который приберегала для перешедших черту членов стаи: нежным голосом с оттенком печали и обещанием ужасного наказания.

И сейчас она пустила его в ход.

Бросив последний взгляд на святилище заброшенного корпуса младшеклашек, Кара обернулась.

Гвен, Труд и Алан стояли в полузамерзшей снежной жиже посреди спортивной площадки, и не одни. С ними пришли Гарри Бейкер, Фейсал Хамед, Лейла Ахмал, Сьюзи Томас и... и... Фигуры, укутавшиеся в шарфы и шапки, толпились за ближайшим окружением Гвен, вопросительно глядя на Кару. Труд улыбалась, покусывая прядь рыжих волос. Это был не экспромт – подготовленное выступление для публики.

– Как не стыдно, – изрекла Гвен. Ее зеленые глаза затуманились кажущейся неподдельной печалью. Голос отчетливо разносился по зимнему воздуху. – Ведь я, действительно, хотела тебе помочь. – Она потянулась и прижала руку к Кариной щеке.

Кара отшатнулась, наткнувшись на Труд, незаметно примостившуюся у нее за спиной.

– Я хотела, чтобы мы стали подругами, – продолжала Гвен, – но о какой дружбе может идти речь, если мы врем друг другу, Парва?

Пар, сочившийся изо рта Кары тонкими колечками, внезапно повалил клубами. Девушка схватила воздух ртом, плотнее закуталась в платок, порывшись в себе, пытаясь отыскать напускную храбрость, с какой до этого разговаривала с Гвен. Но ничего не шло в голову.

Кара запнулась, зубы застучали от холода:

– О ч-ч-чем ты?

Выражение лица Гвен не изменилось:

– О чем я, Тру? – повторила она.

– Мы знаем, что это ты, – словно хорошо обученный питомец, Труд подражала хозяйке вплоть до флера покровительственного сожаления. – Мы знаем, что это ты сказала, будто бы Солт тебя лапал. – Она вздохнула. – Это печально, Парва, просто душераздирающе.

По толпе пробежал удивленный гул, перемежающийся парой ошеломленных смешков. Собравшиеся поглазеть на казнь начали подтягиваться, чтобы получше рассмотреть жертву, загораживали ей обзор, словно окружая. И тогда Кара поняла, что объединяет пришедших: все они ходили с нею на математику.

Кара почувствовала, как сжимается желудок. Как любой шантажист, Солт пользовался популярностью у всех, кто не попал в список его жертв.

– Все мы знаем, что это туфта, – заявила Гвен. – Солт ведь тебя ненавидел, это же ясно; мы все тому свидетели. И ты его ненавидела. Разве не вы с Бет Брэдли намалевали то граффити? Теперь-то я понимаю, что ты всегда хотела оказаться в центре внимания. Будешь отрицать? – Девушка торжественно замолчала, а потом добавила: – Тебе хоть немного совестно? Что ты так завралась?

Карина грудь напряглась. На мгновение она снова почувствовала металлические колючки, впивающиеся в кожу, в локти, между пальцами, колющие горло.

– Но, – улыбка Гвен стала прямо-таки блаженной, – мы здесь не для того, чтобы тебя наказать, Парва. А чтобы помочь. Мы понимаем, что это не твоя вина. Тебя принудили.

– Все, чего мы хотим, так это правды, – без улыбки проговорила Труд. – Тебе просто нужно открыть правду здесь и сейчас. Признаться, что он никогда тебя не трогал, и рассказать, откуда у тебя шрамы.

Карина рука невольно поднялась к лицу. Она почувствовала панику, словно ее покрыл еще один, слишком тугой, слой кожи.

Труди пришлось встать на цыпочки, чтобы сказать прямо Каре в ухо:

– Скажи нам. Ты ведь сама это с собой сделала?

Кара отшатнулась. Она попыталась отступить, но отступать было некуда; толпа подпирала ее, поймав, словно проволока... словно металлическая клетка. Все они слышали, что сказала Труди. И все позволили себе смотреть на нее. В их зачехленных в перчатки руках появилось что-то маленькое и черное: ее снимали на телефоны.

– Ты сделала это ради внимания. Чтобы на тебя все смотрели, – фыркнула Труди. – Так пусть же посмотрят.

Рука в шерстяной перчатке метнулась к Карину платку, но она крепко в него вцепилась. Девушка ощутила, как колотится пульс там, где пальцы уперлись в шею.

– Да!

Когда из толпы раздался первый крик, Кара почувствовала, что слегка болезненно покачнулась. Кричала Лейла Ахмал. Та, что всегда ей нравилась.

– Расскажи нам!..

– Дай посмотреть!..

– Расскажи!..

– Сними платок!..

Еще одна рука потянулась к ее голове, потом еще одна, потом еще, задевая шрамы через тонкую ткань. Вцепившись в платок, Кара сгорбилась, пытаясь вывернуться, когда ребята поднажали.

Она ничего не сказала: боялась, что голос выйдет тонким, писклявым и жалким; боялась, что ее засмеют. Отмахнувшись одной рукой, она почувствовала, как кто-то поймал ее за запястье и вывернул его. Руку пронзила боль. Кто-то расхохотался. Кара мельком увидела Гвен. Потеряв контроль, та казалась возбужденной и взвинченной.

– Сними! Сними! – теперь Труди уже просто орала. – Сними! – Кара беззвучно, словно собака, потрясла головой. В голове звенело.

– Нет? – почти прорычала Труди.

Раздался металлический щелчок, и все вдруг стихло. В Кариной голове промелькнуло воспоминание: когда Алан – парень Гвен – поджигал самокрутку зажигалкой из нержавеющей стали, раздавался точно такой же звук. Она нашла его глазами – он в ужасе похлопывал по карманам. Кара огляделась по сторонам, и увидела Труди: ее красное лицо вспыхнуло и пошло пятнами от волнения, над пальцами злобно плясало открытое пламя.

На мгновение воцарилась полная бездыханная тишина.

– Давай! – раздался голос из задних рядов.

Потом – небрежно, словно прикуривая сигарету подруге, – Труди Шталь протянула руку и подожгла Карин платок. Вонь паленых волос и ткани хлынула девушке в нос, жар лизнул шею, и колючая боль переметнулась на кожу. Она задохнулась, подавилась и высвободила руку, в панике ударив ею. Что-то мясистое треснуло под основанием ладони.

Стащив горящий платок с головы, Кара швырнула его в грязную жижу. Пламя растеклось, оставляя серо-черные раны на зеленой ткани. Холодный ветер унял боль в шее. Наклонившись, она подобрала клочки испорченной ткани. Потом, вздрогнув, выпрямилась и оглядела толпу.

Никто не смеялся. Труди сидела на обледеневшем асфальте, кровь хлестала из-под руки, зажимающей нос, но никто не шелохнулся, чтобы ей помочь. Они просто пялились на Кару, а она смотрела в ответ, позволяя им глазеть. Ее восстановленные губы сложились сами собой, и девушка плюнула в толпу, словно разъяренная кошка.

А потом побежала. Толпа молча расступалась перед нею, и девушка пронеслась мимо них, прежде чем они успели разглядеть, что она плачет.

– Парва! – голос Кары пронзительно отдавался от плиток, и в этом полуразрушенном туалете, и в том, что виднелся за зеркалом. – Парва!

Она свернулась посредине, словно мягкая кукла, положив руки на колени, глотая сопливые, слезливые всхлипы.

В воздухе стоял странный запах: металлический, смешанный с пылью и кисловатым запахом ее собственных опаленных волос.

– *Парва!* – Кара понимала, что ее услышат: многие видели, как она сюда побежала. Кто-нибудь придет, если уже не шли, чтобы вытащить ее из запретной зоны, прочь от зеркальной сестры.

Из треснувшей трубы вылезла крыса и скользнула на пол, подергивая хвостом. Она прыгала взад и вперед по голому клочку линолеума, подлизывая его быстрым язычком и коротко пища. Никаких других звуков или знакомых голосов. Взгляд Кары уперся в зеркало, но она видела только себя.

Исцарапанное лицо опухло от слез. Потeki размытой подводки извивались по рельефу щек. Там, где был приколот платок, волосы растрепались и спутались. Там, где прошлись колючки Проволочной Госпожи, убившие фолликулы, обнажились тонкие безволосые прорехи.

– «Ты ведь сама это с собой сделала?» – чуть истерично повторила она. В конце концов, это она решила последовать за Бет в ее странный город. – Сама, сама.

Она подошла ближе к зеркалу, и крыса, пища, метнулась у нее из-под ног. Прижав ладони к холодной поверхности, девушка снова позвала:

– Парва!

Стекло запотело от дыхания, но ответа не последовало – конечно, нет. Ее зеркальная близняшка ушла на работу. Они не договаривались о встрече.

Карой руководило какое-то шестое чувство; порыв и слепая надежда.

Она ссутулилась, коснувшись лбом зеркала.

И замерла.

Прямо между ног ее отражения виднелась лужица темно-красной жидкости. Кара непроизвольно вдохнула и подавилась, поняв, что служило источником металлического запаха.

Кровь.

Кара оцепенело присела на корточки и поскребла пальцами по несомненно сухому линолеуму со своей стороны зеркала. Они стали сырыми, и невидимое вещество, покрывшее их, оказалось липким, когда она потеряла их большим пальцем.

Она стояла и смотрела в отражение туалета. Рядом с темно-красной лужей пол был отмечен полустертым отпечатком руки: знакомым очертанием с длинными, тонкими пальцами. Отпечаток переходил в длинную полосу, протянувшуюся по линолеуму, иссякающую задолго до того, как достигнуть двери... словно владелицу руки выволокли из комнаты. Линолеум рядом с этой полосой оказался порван, бетонный пол под ним рябил и морщился, словно исцарапанный.

Замолотив кулаком по стеклу, Кара взвизгнула:

– Парва!

Голос эхом отразился от стены за зеркалом, но тело не продвинулось внутрь ни на дюйм.

Ладонь превратилась в кулак, и зеркало треснуло под ударом. Там, где стекло отбилось, оказались лишь кирпичи.

– *Парва! Парва!*

– Парва?

Мужской голос: старый и поизносившийся от сигаретного дыма.

Кара обернулась. В дверях туалета стоял мистер Крафт, учитель английского.

– Парва... ты в порядке? Почему ты выкрикиваешь свое имя? Господи, что с тобой случилось?.. Ты же знаешь: сюда нельзя заходить...

Кара ему не ответила. «Сюда нельзя заходить. – Мысль билась у нее в голове снова и снова. – Сюда нельзя заходить. Заходить...

...нельзя».

Мистер Крафт отпрянул, когда девушка протиснулась мимо него в коридор. Невидимая кровь пропитывала зажатый в руке платок.

Глава 6

Сердце Кары, пока она ехала на метро, окутал холод. Она покачивалась вместе с вагоном, едва замечая, что стучалась затылком о маленькое квадратное окошко, и все никак не могла развидеть тот смазанный кровавый отпечаток руки. Не могла не представлять, каково это, когда тебя волокут по полу, а ты взываешь к зеркалу о помощи. Или каково смотреть, вяло соображая от кровопотери, как исчезает окно к единственной подруге, пока тебя вытаскивают через дверь туалета. Кара представляла себя на месте Парвы и чувствовала, как страх ошупью пробирается по коже.

«Она пришла туда из-за тебя».

Мобильник мертвым грузом лежал в сумке. Кара выключила его, и, хотя сейчас часть ее разума кричала от возмущения, она не обращала внимания. Охваченная холодной уверенностью, девушка знала, что делать.

«Мы никогда не хранили друг от друга секретов».

«Но, может, стоило бы...»

Парва была Кариным секретом: девушка в зеркале, маленький кусочек ее вселенной, который она хранила только для себя. Однако Кара отказывалась просить у Бет помощи не из ревности, а именно потому, что твердо знала: она ее получит.

Она так и видела, как городокожая девушка с глазами, сияющими, словно покрывки в солнечный день, схватив прут-копье, жестом командует лучшей подруге идти вперед и показывать дорогу.

Химический Синод, возможно, знает способ, но цена, которую они заломят, того не стоит. Последняя встреча с Химическим Синодом стоила Бет любимого, и сейчас цена за их помощь, вероятно, окажется столь же ужасной. Кара не могла просить Бет платить. Только не снова.

Огни метро моргнули, и воспоминания восстали из тьмы: приглашение, выведенное на кирпичиках краской из баллончика.

Ищи меня в преломленном свете.

За приглашение любимым следовать за тобой в этот мир нужно было платить.

Стены наполовину развалившейся заброшенной фабрики красок на южном берегу Темзы пожирала пятна темно-красного лишайника, выглядевшие, будто холодный неспешный огонь. Кара шла к ней, пробираясь сквозь страх, словно через ледяную воду.

Каждое мгновение она ожидала появления черных, пропитанных нефтью фигур, что движутся к ней симметричными шагами, но никто не выходил.

Она перелезла через сетчатый забор, не обращая внимания на проржавевшие предупреждающие знаки. Ей потребовалось целых три минуты, чтобы, стиснув зубы и бормоча ругательства, заставить себя протиснуться мимо колючей проволоки.

Секундная стрелка, обосновавшаяся на запястье, подгоняла девушку каждым тиком.

Металл оказался холодным там, где коснулся ее шеи, и Кара старалась не обращать внимания на мурашки.

К счастью, замок изгрызла ржавчина. Кара налегла на металлическую дверь, и, когда та скрипнула, проваливаясь внутрь, единственное сопротивление оказала паутина.

Внутри было темно. Вверх вспорхнула стая голубей, но отверстий, через которые они могли бы попасть внутрь, Кара не увидела. Холод, пупыривший ее кожу, казался застарелым, словно фабрика годами служила складом прошедших зим.

Мурашки пробежали по Кариной спине. Девушка крикнула, но в горле пересохло от пыли, да и смысла в этом не было: они уже знали, что она здесь. Кара чувствовала на себе глаза,

сливающиеся с темнотой. Борясь с дрожью, она облизала губы и вгляделась в тени, пытаясь не моргать, не показать им, что боится. Мрак поглотил ее; она не видела своих рук, не видела, куда ставит ноги.

Что-то металлическое звякнуло у нее за спиной, и она обернулась. Сердце бешено заколотилось. Дверь все так же маячила утешающим ярким прямоугольником, но свет, казалось, прилипал к ней, не проникая внутрь комнаты. Фабричная тьма была веществом, как жидкость, как нефть. Рядом с нею свет словно бы робел.

Она заставила себя повернуться и продолжать идти, выставив руки вперед. Что-то зашипело, из пробитой трубы вырвался пар, источник звука затерялся среди эха. Карины глаза начали различать очертания в темноте: черные на темно-черном. Кровь гремела в ушах, словно прибой.

Фигура во тьме затвердела в нечто не совсем человеческое, во что-то тонкое, угрожающее и голодное. Оно *ненавидело* ее – Кара физически чувствовала ненависть. Его челюсти открылись в беззвучном вое. Вытянув пальцы, сотканые из тени, оно прыгнуло.

Кара взвизгнула и побежала. Ей едва удалось удержать равновесие, бросившись вперед. Девушка чувствовала, что ноги хотят повернуть обратно к двери, заставить сбежать, но она не позволила: это были *ее* ноги, *ее* мышцы, и они будут делать то, что она им, блин, велит. Кара чувствовала, как, скользя по коже, к ней тянется нечто невидимое.

Ее колени поднимались и опускались почти по собственной воле.

Она не могла не бежать, и, заскрежетав зубами, еще глубже вонзилась во тьму. Краем глаза девушка уловила нечто кошмарное, неловко припавшее к земле на тяжелых задних ногах, с загнутыми назад зубами и пустыми глазницами. Уловила проблески движения. Головы на толстых шеях дернулись, следя за нею. Не имея ни света, ни возможности их увидеть, она все равно их видела.

Что-то фыркнуло и щелкнуло около ее уха, и Кара дернулась, побежала зигзагами, уворачиваясь от рук, которые – она чувствовала – тянулись к ней, дергали за одежду и ползли, холодные и скользкие, вверх к волосам. Холодные морды прижались к шее. Шипение становилось все громче; вязкая жидкость капала на бетон. Она снова закричала в темноту и бросилась бежать. Что-то крепко вцепилось в ворот ее футболки, и земля ушла из-под ног. На миг ее желудок перевернулся в тошнотворной невесомости, а потом пол тяжелой кувалдой вдарил ей по позвоночнику.

Она лежала, не в силах пошевелиться, несколько ужасных мгновений гадая, не сломала ли спину, не парализована ли. Прислушиваясь к собственным хрипам и паническим вдохам, Кара почувствовала, как тонкие невидимые шутовины вцепляются в нее из темноты. Сейчас? Теперь? Вот в эту секунду они, наконец, к ней прикоснулись? Шипение пара, раздавшееся прямо у ее уха, сплелось в слова:

– Приветствую тебя, сссспасшаяссся, – прошипело оно. – Разлученная ссссестра и Непокорная приссслужница. Последняя носсительница Проволочной Госсспожи. Приветствую.

Голос прервался. В него закралась удивленная нотка:

– Жаль прерывать твое бегсство ссстоль внезапно. Я сс сссодроганием намекаю, что твоя мудроссть может быть ссссомнительна, а в выссшей сстепени пронщательная ссстратегия бежать всслепую во тьме химичесской фабрики ссамую малоссть граничит ссс ссамоубийсством. – Голос вздохнул. – Ссимеон, пожалуйста, сссвет.

Послышался лязг рычага, и сияние прорвало тьму. Кара зажмурилась, потом постепенно открыла глаза и разглядела склонившуюся над нею фигуру. В безукоризненном костюме, с зализанными назад волосами и с широкой лукавой усмешкой. Каждый дюйм тела, включая глазные яблоки и зубы, покрывала гладкая черная нефть. Капля сорвалась со лба, брызнув ей на губы.

Джонни Нафта, неофициальный глас Химического Синода, Лондонских Всеоценщиков, щелкнул крышечкой зажигалки, которой помахивал. Кара подняла голову, чтобы не смотреть на собственные ноги.

Она лежала на узком бетонном отроге. Чан из нержавеющей стали, над которым выступал Нафта, был огромным, словно колесо трактора, и наполовину заполнен бесцветной жидкостью.

– Итак? – прошептал Джонни.

– С-спасибо, – удалось выговорить ей. Она знала, что говорить, но говорить было трудно. Сердце галопировало, словно обращенная в бегство кавалерия.

– Да-ссс?

– Я... я ваша должница.

Ухмылка Джонни Нафты стала еще шире. Он порылся в промасленном кармане и, выудив блестящий стальной винтик, щелчком большого пальца отправил его в чан. Винт погрузился в жидкость со слабым всплеском одновременно с четырьмя точно такими же. Кара увидела другие черные фигуры на металлических платформах, склонившиеся над нею в тех же позах, что и Джонни.

Когда все пять винтов растворились в содержимом реактора, послышалось клокочущее шипение и в воздухе поплыл странный острый запах.

– Мы что-нибудь ссочиним. Можешь всстать?

Нафта повел девушку вверх по спиральной железной лестнице. Остальные четверо синхронно последовали за ним, и, достигнув вершины, нырнули через дверной проем в карнизе.

В стенах верхней комнаты было больше дыр, чем кирпичей. Зазубренные щели, в которых ворковали и чистились голуби, обнажали пустое зимнее небо. Все птицы были пропитаны нефтью, но это, похоже, им не мешало, коль скоро они очистили крылья для полета.

Кара глянула вниз, и ее желудок сжался. Большая часть пола оказалась тоже разрушена. Зиждущаяся на позвоночнике из ржавых железных столбов комната, или то, что от нее осталось, располагалась на самом верху фабрики, выпирая из заднего фасада. Внушительные щели разинули пасти по обе стороны от ног девушки, сквозь них на головокружительной глубине внизу виднелись трава и гравий фабричного двора. Между щелей петляла узкая тропинка, и Синод ступил на нее, оставляя за собой скользкие масляные следы. В дальнем конце виднелся небольшой бетонный островок с двумя черными кожаными диванами и чем-то вроде старомодного бара. Пятеро симметричных мужчин выжидающе повернулись, достигнув этого островка, держа руку на лацкане пиджака.

Кара сглотнула и сделала шаг. Нога скользнула, вызвав приступ тошноты, и девушка раскинула руки, пытаясь сохранить равновесие. Она зашипела, заскрежетав зубами, и сделала еще один шаг. Нефть пропитала кроссовки. Черные птицы захлопали крыльями и закричали на нее.

– Возможно, ессси бы ты не ссмотрела вниз, получилосссь бы быссстрее? – предположил Джонни Нафта.

С Кариных губ сорвался ироничный смех, столь же испугавший ее, сколь удививший их.

– Спасибо, но раз уж тропинка внизу, я буду смотреть, куда мне хочется, распоряжаясь своим чертовым временем. – Она снова посмотрела вниз и увидела зияющие дыры в полу, промасленные скользкие места, убийственную высоту. И сделала еще один шаг.

Синод не двигался, пока она не добралась до их островка, потом все одновременно расстегнули куртки. Трое – Джонни посередине – сели на одном из диванов. Двое других встали сзади, сложив руки, словно для официального фото.

– Располагайссся, – Джонни махнул рукой, и Кара села напротив, чувствуя, как скользкая черная диванная обивка впитывается в ее джинсы. Они смотрели на нее, а она – на них, диковатыми глазами. Теперь, когда пришло время, она не знала, как начать.

– До ссих пор потряссена, – пробормотал своему соседу Джонни Нафта, и остальные четверо одновременно согласно кивнули. – Следовало ожидать, учитывая, что она вмешалась в наш эксссперимент.

– Эксперимент? – резко переспросила Кара.

– Конечно, эксссперимент. Это было чудессное утро. Мы только что успешно ссинтезировали сссскотофобию. А потом, – посетовал Нафта, – медлительный нарушитель все испортил.

Члены Синода наклонились вперед и в их лицах промелькнуло что-то акулье.

– По правилам, мы должны заставить тебя ссварить сследующую партию.

Кара до боли сжала колени. «Действуй жестко, – подумала она. – Как Би».

– Скотофобия, – ее голос даже не дрогнул. – Боязнь темноты.

Химический Синод улыбнулся, как один, и Джонни Нафта сказал:

– Конечно... фабричный пол весь ею залит. Сс чего иначе нам искоренять ссвет? Фобия – продукт правильной посследовательности действий, но чтобы сстать ссовершенной, она должна готовиться из чисстных иссходных вещесств.

Кара просто смотрела на него. Бет рассказала ей о Синоде, но от одного их вида накатывало смятение, словно распатались косточки внутреннего уха.

– Возможно, тонизирующее тебя усспокоит, – предположил Джонни, указывая на пол. Кара взглянула вниз и увидела у своих ног помятую оловянную кружку, до половины наполненную темно-красным варевом.

«Может, – тут же сказала она себе, – она все время там стояла, а я просто не замечала? Может, они ничего там и не наколдывали».

– Что это? – спросила она.

Джонни, поджав губы, закатил черные глаза, словно силясь припомнить.

– Ссмесь ссолей, кероссина, цианида, немного грусти, несомненно, решительность и вишневый сссок, – перечислил он. – Но только в профилактических дозах. Я ссовершенно уверен, что это безопассно.

Кара вежливо, но твердо отодвинула кружку кроссовкой.

Синод вздохнул, как один.

– Как хочешь, – сказал Джонни. – Как ты метко подметила: *распоряжайся ссвоим чертовым временем*.

Кара смотрела на Синод, а Синод, терпеливый и неумолимый, словно геологические силы, смотрел на нее.

– Мне нужна ваша помощь, – наконец сказала она.

– Сс чего иначе тебе приходится?

– Ну... И как это работает?

Пятеро пропитанных нефтью мужчин пожали плечами, подняв и опустив их симметричной волной, начиная с Джонни и заканчивая двумя высокими фигурами по флангам.

– Ты выражаешь желание, – объяснил Джонни. – Мы выставляем цену. По ссути, это покупка.

В Карином горле образовался небольшой комочек напряжения. Если они не смогут ей помочь, у нее ничего не останется.

– Мне нужно попасть за зеркала, – сказала она. – В Лондон-за-Стеклом.

Повисла тишина, нарушаемая только трепыханием нефтяных крыльев.

Джонни Нафта легко присвистнул сквозь зубы, звуча словно слесарь перед тем, как объявить, что последний парень оказался полным дебилом и что цена деталей обойдется примерно в закладную на дом в Хэмпстеде и стоимость пары почек.

– Мы редко видим ту ссторону сстекала. Цена будет внушительной.

Кара глубоко вздохнула:

– Я заплачу.

Пять ртов сложились в тонкие ухмылки.

– Ссс чего ты взяла, что можешь насс сссее позволить? – Джоннины глаза казались черными на черном, но по центру угадывались радужно переливающиеся зрачки.

Сосредоточившись на этом цветном пятнышке, Кара выпрямилась.

– Вы меняетесь на что угодно, верно? – проговорила она. – Возможно, у меня есть нечто, что вы хотите... нечто ценное, даже если я сама этого не знаю... Забирайте, но протащите меня через зеркало.

Пять голов заинтересованно склонились, и Кара немного сжалась.

– Только я не стану никому причинять вреда, – добавила она.

В голосе Джонни Нафты не было ни тени жестокости, когда он сказал:

– Разумеется, ссстанешь.

Пятеро мужчин встали и застегнули куртки.

– Сюда, Сстальная Мятеежница. – Джонни потянулся к Каре. – У нас ессть предложение.

Кара сглотнула, помедлила и взяла его за руку.

Она чувствовала: что-то не так. Подушечки его пальцев переплелись с ее, и нефть засохла по коже, прохладная и вязкая. Девушка попыталась выдернуть руку, но ладонь химика просто растягивалась и растягивалась, словно жвачка.

– Что за?.. – начала она, но голос умер в горле. Лицо Джонни Нафты плавилось, его черты обращались в стекающую с шеи нефтяную пленку.

С остальными происходило то же самое, их ноги слились с нефтяным бассейном и ручейками устремились к нему через край пола.

– Пос... – попыталась сказать Кара, но, прикоснувшись языком к зубам, почувствовала, что они мягкие, словно свечной воск, а взглянув перед собой, увидела, как ее рука смешивается, эмульгирует с тем, что осталось от Джонниной.

Она почувствовала, что падает, словно пьяная, и все цвета в мире стекаются в черный.

Кара ахнула, в легкие хлынула пыль, она подавилась и закашлялась. Девушка ничего не видела, но под коленями и ладонями был кирпич, грубый и твердый. Моргнув, она поднесла свободную руку потереть глаза, но слепота не проходила.

Послышался треск-щелчок-шипение, и возникло пять огоньков, угрожающе покачивающихся над зажигалками в пропитанных нефтью руках. Синод, улыбаясь, стоял над нею.

– Я... – наконец-то удалось выдавить ей. – Я думала, вы... – Было всего одно слово, подходящее воспоминанию ужаса от нефти на коже. – Думала, вы меня *съедите*.

– Ссс чего бы? Когда это мы говорили, что взимаем предоплату?

Улыбки оставались неизменными; девушка не могла понять, шутит ли он.

– Значит, в следующий раз спросите меня, прежде чем расплавлять? – требовательно поинтересовалась Кара.

– Извини насс, Сстальная Мятеежница, – вежливо прошептал Джонни, – как мы поняли, ты ссспешисшь. Спуск ссуда на сссвоих двоих занял бы ссссемь часов во тьме. И некоторые месста, которые бы пришлось пройти, нассстораживают.

Джонни протянул ей руку, но Кара не обратила на это внимания, поднимаясь сама. Сводчатые кирпичные туннели расходились в пяти направлениях. Стены были пронизаны грубо вырезанными альковами, испускающими нездоровый пятнистый свет, словно загадочные глубоководные существа в фильмах о природе на «Би-би-си», которые любил отец. Девушка подумала, что они, наверное, в канализации, но нигде не слышалось ни капли протекающих труб, ни шныряющих грызунов. Напротив, туннели походили на залы кирпичного дворца, давно похороненного и забытого. Гулкие шаги, когда Джонни вел их по коридору, были единственным звуком. Место казалось странно герметичным.

Джонни принялся бормотать, неся вздор отрывистым сосредоточенным тоном. Он неопределенно махал на альковы, словно называя их:

– Слепень, сстрасть к путешествиям, запотевшая и подозрительная, мерсская аллегория, Балковый Яд, плата, очарование, подгоревшее печенье, слезы сстарой титулованной лампочки...

Они повернули влево, потом вправо, потом снова вправо. Каре показалось, в его голос вкралось напряжение... или, может, это было предвкушение?

– Звериный зуб, ссстарая головоломка, безбедный хлеб... – он замешкался на развилке.

Тяжелая, словно промасленное одеяло, на Кару навалилась клаустрофобия. Она задумалась: как же далеко ведет этот лабиринт, если может смутить даже собственного хозяина? Девушка окончательно потеряла счет поворотам.

– Кривда, кривда и надежда... давай, Нафта, думай, оживи ссвои воспоминания... Кривда и надежда, и... *время*, ха! – Он положил одну руку на стену и с удовольствием повернул направо. – Кривда, надежда и время ведут к памяти.

Кара тихонько ойкнула, но ее вздох подхватило и усилило эхо. Легкий ветерок разметал выбившиеся волосы по щеке. Открывшийся перед нею туннель уходил в пустоту. Напротив была стена – возможно, всего в двадцати футах от того места, где заканчивался пол, но глубина этой пропасти казалась неизмеримой. Противоположная стена оказалась неравномерно крапчатой от разноцветных огоньков. Кара опасно подобралась к краю пропасти и вытянула шею, но не могла разглядеть конца этого океана кирпичей и мягко светящихся ниш.

Джонни тянулся вверх и вниз, создавая ощущение близости ночного неба. В темноте отдавалось хлопанье крыльев, маленькие порхающие фигурки пересекали стены – пропитанные нефтью голуби с воркованием устремлялись в хранилища Синода.

– Как красиво, – обалдевшим голосом пробормотала Кара.

– В этом... что-то ессть, – признал Джонни.

– Что?

Наставительно подняв зажигалку, он ответил:

– Эгоизм, алчноссть, приторное настроение, поминовение неуклюжих первых ухаживаний, иррациональная любовь к арахиссовому масслу и ссстоль же неразумное отвращение к паукам, – говоря, он показывал отдельные огоньки, называя созвездия на стене. – Мужесство, хладнокровие, ссироп из вежливоссти. Чувствительноссть, или ее ссуррогат ссстоль же осязаемый, нассколько нам пока удалось ссинтезировать. Ты, кажется, наш лучший на ссегодняшний день ссинтез разума.

– Разума? – выдохнула Кара. – Зачем это вам?

– Чтобы исправить ощущения узника... клиента, чье восссприятие насстолько разъедено длительным томлением, что он даже пока не знает, что ему это нужно. – Джонни Нафта ехидно улыбнулся. – Рассширение бизнесса. Все практичесски готово. *Практичесски*. – Он бросил на Кару хищный оценивающий взгляд. – Но не сссовсем.

Кара почувствовала, что ее руки инстинктивно дернулись вверх, словно она могла защититься от этого взгляда, этого порыва собственничества, кулаками.

Джоннина улыбка стала почти жалостливой.

– Побереги беспокойсство, – сказал он. – Дополнительные вещества, которые нам нужны, ссодержатся не в твоей пссихике. Однако за то, что ты проссишь, мы возьмем не меньше.

– Я не стану причинять вреда никому другому, – снова подчеркнула Кара.

Джонни склонил голову, словно отвечая: «Ты уже говорила».

Остальные четыре головы отзеркалили его движение.

– Мы тебя и не проссим. Далеко позади нас, на пересечении хранилищ электромагнетизма и эфемерноссти, ессть вещество, могущее тебе помочь, смессь, подходящая, чтобы

превратить зримое в действительное, насстойка, способная превратить окно в дверь: основа портала, если угодно, или дверное снабдобье. Оно может даже доставить тебя в столь изолированное место, как зеркалократическая республика. Наша цена за подобный подарок проста... – он взмахнул пустыми пропитанными нефтью руками. – Полный набор детских воспоминаний, предоставленный из памяти твоих родителей – не копия, как ты понимаешь, а оригинал. – Он фыркнул. – И подлинные-то воспоминания разрушаются, а уж копии бесполезны, словно заразные.

Сперва Кара ничего не поняла, потом что-то горячее и болезненное медленно опустилось на дно ее живота, когда девушка осознала, о чем они просят.

– Вы хотите воспоминания моих предков... обо мне? – прошептала она. – Хотите, чтобы они меня забыли?

– Разумеется, нет. – Джонни тон не изменился. – Мы вовсе не *хотим*, чтобы они тебя забывали. Это несущественный побочный эффект.

Кара жестко покачала головой.

– Что-нибудь другое, – сказала она. – Не их... не моих родителей. Что-нибудь мое...

– У тебя нет ничего столь же сильного, как воспоминания родителей о тех, кого они родили. Подобные субстанции разжигают конфликты и служат семенами науки. Они – источники надежды и навязчивых идей даже разумнейших из людей, – мягко проговорил Джонни. – Ничего твоего нам не нужно.

– Я же сказала, что не хочу никому причинять вреда! – Карин крик отскочил от кирпичей. Она снова устала в туннель, но увидела только лабиринт.

Пламя Джонниной зажигалки плясало в его жидких глазах, шипящий голос звучал в ее ушах.

– Глупая маленькая странница, именно поэтому мы и просим об этом. Мы знаем твою историю. Ты должна знать, как знаем мы, что твои мать и отец винят себя за твой нынешний пародийный вид. «Если бы мы только присматривали за нею лучше, или учили ее лучше, или любили сильнее, или кормили вкуснее». – Проговорил он со спокойной злобой, уставившись на острые выступы ее щек. – Это «Если бы мы только...» лишает твоих родителей сна. Хочешь знать, как плохо они сейчас спят? Как мало испытывают счастья? Если ты серьезно не хочешь навредить им, выбор прост. Или оставайся с ними, пожертвовав срочной необходимостью, заставившей тебя нас искать, или прими нашу цену и убедись, что они не будут по тебе скучать, когда ты исчезнешь.

Кара почувствовала спиной кирпичную стену, словно руки друга, но смогла устоять на ногах, не поддавшись искушению сесть на пол.

Пожертвовав срочной необходимостью...

Она попыталась это представить. Как развернется, отправится домой и спрячется под одеялом. Попыталась изо всех сил.

Но не смогла. Она не узнавала девушку на этой картинке. Не была ею и не хотела быть. Ее охватило странное спокойствие, когда она поняла, что у нее нет выбора: казалось, был, но... Девушка вообразила будущее, в котором «предки» забыли ее, и оно оказалось неожиданно ясным: отец с газетой в кресле, мама все вальсирует с пылесосом по второму этажу. Они в порядке, и совсем по ней не скучают. *Не могут* скучать. Отвратительная, но правда.

В этом был смысл. Кара облизала губы, принимая неизбежное. Выбора не было...

Если только она сама его не создаст.

– Вы говорили, что не бывали за зеркалом. – Карин голос звучал немного хрипло, хрустяще, но сильно. – Разве там нет ничего лучше горстки сентиментальных воспоминаний о моих первых шагах? Вы же коллекционеры? Там должно быть что-то. Что, если я вам это принесу?

Каждый из пяти членов Синода сделал шаг вперед, оттесняя ее к стене пропитанными нефтью костюмами. Увлеченные алчностью, они выглядели еще хищнее.

– Интересно. Нечто единственное в своем роде, – сказал Джонни. – Добудь нам... нечто исключительной значимости, и мы найдем необходимые воспоминания в другом месте.

Кара нерешительно кивнула.

– А гарантия? – прошептал Джонни. – В конце концов, ты можешь убежать, остаться за зеркалом или погибнуть. Что мы получим, если ты не вернешься?

Встретив радужный взгляд, Кара не дрогнула.

– Я принесу, что вы просили, – сказала она. Джонни был прав, ей нужен способ избавить маму с папой от страданий, и этот... этот ужасный, катастрофический способ, по крайней мере, был *способом*. Если все пройдет хорошо, она выкупит родительские воспоминания зеркальной монетой. Если нет...

Вы хотите, чтобы они меня забыли?

Они будут в порядке.

– У тебя будет неделя, – сказал Нафта. – После этого мы используем твой обещанный платеж, и он станет невозможным.

Карины губы скривились. Слова сами собой возникли у нее во рту, словно она торговалась на Далстонском рынке.

– Месяц, – возразила она.

– Две недели...

– Три.

– Двадцать одни сутки, – согласился Джонни. Он не выглядел раздраженным, скорее удовлетворенным и даже немного под впечатлением, словно они соблюли некий старинный ритуал. – Но мисс Хан? Принеси нам нечто грандиозное, или они никогда тебя не вспомнят.

Он протянул руку, и Кара медленно ее пожала, чувствуя нефть, сочащуюся между пальцами, но на этот раз сама не растворялась.

– Ссюда, – прошептал он, и Синод промчался мимо нее, отступая в туннель.

Последовав за ними, Кара приложила руку к кирпичам и, прежде чем свет сделался слишком тусклым, чтобы что-либо разглядеть, различила оставшийся после нее отпечаток руки: контуры тонких черных пальцев, влажно сияющих во тьме.

Глава 7

В три часа ночи на узких улочках позади Карнаби-стрит торговля на Белосветном рынке шла полным ходом. Плафоны уличных фонарей стояли темными, но кирпичи мерцали светом и тенью – стеклокожие вольфраможилые Ламповые люди менялись, семафоры, на тротуарах. Бет наугад переходила от порога к порогу, любуясь сложенными на них товарами: разделенными на кучки пультами управления, мотками медной и платиновой проволоки, крошечными стеклянными птичками, порхающими в теплостойких вольфрамовых клетках, мерцающая безмолвной песней.

Вдоль одной стены, выстроившись в очередь, терпеливо стояли раненые, некоторые опирались на костыли, выломанные из фонарных столбов, их плечи, локти, кисти или колени, покрытые осыпавшимися порошком трещинами, заканчивались неровными зубцами. А в конце очереди тяжелоплечий Белосветный Уличный Хирург осторожно припавал костяшки и ногти к замененным конечностям, раздутым от раскаленного добела стекла.

За последние несколько месяцев Бет бывала здесь десятки раз, но по-прежнему чувствовала легкую дрожь благоговения, хотя сегодня оно и было омрачено зубной болью.

«Асфальтовая кожа, должно быть, сломает иглу, а кровь затвердеет, словно цемент, – подумала она, трогая языком больной клык. – Прикольно будет объяснять это стоматологу!»

Изнемогая от жара нитей накаливания Ламповых людей, она все равно не снимала капюшона и держала руки в карманах; копьё болталось на небольшом ремешке, приделанном к рюкзаку. Девушка остановилась у дверного проема, где лениво развалился молодой Белосветный. Он был поразительно красив, со своей яркой неоновой улыбкой и розовой краской-светофильтром, украшавшей щеки и грудь, подчеркивая кристально чистую кожу. Парень легко флиртовал с прохожими простой семафорной скороговоркой, одаривая одного-двух самых прелестных стеклянных джентльменов кокетливым щекопотанием своего поля.

Бет достала из рюкзака фонарик и быстро промигала:

«Где Свечник?»

Раскрашенный стеклянный мальчик вздрогнул от ударившего в лицо света, словно от крика, тускло выругался и огрызнулся:

«Кто?»

«Не прикидывайся, – просигналила Бет. – Твой род занятий, может, и не совсем незаконен, но достаточно ненавистен Люсьену, чтобы ограничить число мест, где ты можешь купить грим. – Она указала на светофильтрующий состав на его стремительно темнеющих щеках. – Так что еще раз: где сегодня развал Свечника?»

Бет едва поняла направление, которое промигал мальчик-массажист, как тот уже решительно повернулся к ней спиной, вдвое усилив накал своей ослепительной улыбки.

Глаза Бет постепенно приспосабливались к темноте, когда она оставила сияние прилавков легального рынка позади. Совершив множество сложных поворотов, она перемахнула через мусорный контейнер в переулке и сбежала по металлическим ступенькам во двор подвального уровня. По углам ютились грязные спальники на кучах трухлявого картона. Сквозь стены клуба просачивались басы.

«Привет, Свечник, – мигнула Бет в сторону одного из спальников. – Выглядишь отлично. Как дела?»

«Молнию» спального мешка потянули вниз изнутри. Мерцающий изнутри голос Белосветного был достаточно тусклым, чтобы считаться шепотом, но оттенок оказался красным от злости:

«Брэдли? Во имя всего светлого, выруби эту штуковину, или нас обоих обесплафонят до следующего ливня».

Бет села, скрестив ноги, на краю картонки и заглянула в открытый зев «молнии», увидев стеклянный нос, подбородок и губы, очерченные мягким белым свечением, прикрытым спальником.

«Мы, знаешь ли, не просто так называем это место Черным рынком», – насупившись, мелькнул он.

Бет посмотрела на другие спальные мешки. Торг доносился короткими вспышкам из зазоров в ткани, сделки заключались шепотом, не ярче горящих спичек. Время от времени светящиеся стеклянные руки высывались из мешков, чтобы обменяться небольшими ценными вещичками или скрепить сделку магнитным рукопожатием. Черный рынок – в буквальном смысле теневая экономика Белосветных.

«Извини», – Бет артикулировала преувеличенно четко, чтобы он сумел прочитать по губам.

«Будешь извиняться, когда Люсьен или какой-нибудь из твоих статуеносных корешей прознают, что ты тут со мной перемигиваешься», – сердито промигал стеклянный мужчина.

«Тротуарные Монахи? – нахмурилась Бет. Она не могла понять, с чего бы у них могли возникнуть проблемы с Аффрифом Свечником – в конце концов, он стал богатейшим контрабандистом на Черном рынке благодаря дополнительным заказам каменных и бронзовых священников, предлагая услуги, которые тем больше было неоткуда получить. – Я думала, они твои крупнейшие клиенты».

«Некоторые, – кисло сверкнул Свечник. Он поерзал в своем спальнике, и Бет увидела глаз, полыхающий, словно маленький белый уголек. – Но ведь вряд ли все напавшие гранитные шмотки думают одинаково? Мои клиенты – либералы; более упертая компания полагает, что я мухлюю с божественным наказанием».

Не будучи уверенной, что правильно поняла, Бет помигала, чтобы он объяснил.

«Когда Тротуарный Монах умирает и вновь рождается в статуе, это – воля Матери Улиц, – объяснил Свечник. – А если он при этом теряет половину воспоминаний, что ж, это, должно быть, тоже воля Матери Улиц и часть наказания. Их послушать, так мое небольшое вмешательство – святотатство. Заметь, – задумчиво продолжил он, – если они считают, будто мелкий мошенник вроде меня способен сделать нечто, чтобы стереть церковношпильную улыбку с лица их Богини, значит, возможно, их вера в нее уже не та, что прежде».

Бет сидела неподвижно, когда последние искорки его слов потухли. Наконец, она произнесла:

«О какой вере может идти речь? Богиня мертва».

Мать Лондонских улиц покончила с собой еще до рождения Бет, с помощью украденных и дистиллированных смертей своего духовенства, оставив им в качестве «расплаты за грехи» бесконечную череду возрождений в камне. Даже сейчас, спустя несколько месяцев после раскрытия тайны, Бет чувствовала обжигающий гнев в животе.

«Она мертва. И я им это доказала».

«Ах, ты “доказала”? Правда? Ну, тогда ладно... – сарказм Свечника светился невозмутимо белым. – В голове не укладывается, как это они предпочли веру в Богиню, которой поклонялись десятки жизней, словам семнадцатилетней девчонки. – Он взглянул на закопченный шрам на ее запястье: корону из многоэтажек. – К тому же девчонки, до сих пор носящей знак той самой Богини. – Аффрит покачал стеклянной головой, и по асфальту запрыгали тени. – Пуристы группировки Гравия-и-Грома? При малейшей возможности они перетолкут меня обратно в песок, но одним только Газовым лампам известно, что они сделают с тобой. Веротступница – самое вежливое слово, которым тебя величают. Особенно тот ангелокожий... Иезекииль, кажется? Он...» – Свечник потускнел, нащупывая нужное слово. Бет зашевелила губами, подсказывая:

«Долбоящер?»

«Я не знаком с этим термином, но если он значит что-то вроде “испытал бы огромное наслаждение, по одному вытягивая внутренние органы у тебя из горла и раздавливая их в мясной джем голыми руками”, то “тепло”».

Бет уставилась на него. Ее пробил дрожь, когда она вспомнила, как, сражаясь с нею бок о бок на Челсийском мосту, Иезекииль каменными рукавицами рвал Трубчатых волков в лоскуты.

«“Тепло”, – пробормотала она. – Испытал на собственной шкуре?»

Высунувшись из мешка, стеклянная рука выбрала из кучи разбухший оранжевый пластовый пакет и передала девушке. Бет заглянула внутрь. Он оказался полон разных лампочек: елочных, цокольных, энергосберегающих. Девушка приподняла пакет, и он звякнул.

«Вот, что я вынес из твоих рассказов, – мигнул Свечник. – Нелегко, я тебе скажу. Большинство моих клиентов желают вспомнить человека, которого знали несколько жизней, а не просто пару недель. Тот парень, должно быть, производил впечатление».

Бет представила «того парня»: асфальтокожий, как и она, тощий, хоть ребра считай. Улыбающиеся серые глаза под припорошенной сажой и кирпичной пылью челкой.

«Производил», – пробормотала она.

«Запомни, – слова Свечника потемнели до более серьезного оттенка, – я ничего не обещаю. На самом деле эти огоньки – не его разум, как листание справочника – это не способ выучиться водить автобус. Они – карта, модель, не более. Но, как и все образы, содержат в себе суть. Если он будет расти с этой картой, годами глядя на нее каждую ночь, это должно помочь ему вспомнить, кем он был.

Бет поджала губы. Как же хрупки надежды.

«Я поняла».

«Есть чем заплатить?» – от возбуждения голос Свечника сделался ярче.

Бет кивнула.

«Что-то не вижу».

«Я тоже не вижу твоей задницы, но верю, что она есть, без доказательств, – проартикулировала Бет, стягивая капюшон. Крошечные коготки канализатора, пробегающего по ее шее, покалывали кожу. Визобравшись девушке на плечо, он прищурился на Свечника черными влажными глазками.

Испуганно вспыхнув, Белосветный отпрянул назад, громко стукнувшись стеклянным телом о водосточную трубу, и скользнул вниз, обнажая выющиеся оптоволоконные волосы и не ведающее стыда лицо, ярко горящее отчаянной паникой.

«Что?» – всполошилась Бет.

«Он не в клетке! – отчаянно промигал Свечник. – Где банка, что я тебе дал?»

«Разбилась, – Бет с недоумением пожалала плечами. – Да она мне, в итоге, и не понадобилась. Когда я прикасаюсь к нему, он просто делает, что я хочу».

«Просто это... – стеклянная челюсть Свечника отвисла. – Собиратель газового света... пресмыкающийся вестник наших предков... это твоя ставка?»

Бет снова пожалала плечами.

Глаза Свечника увеличились:

«Это не...»

– Вон там!

Бет задрала голову. Голос, нарушивший тишину, казался знакомым, за ним последовали и другие звуки: шаги, скрежет камня о камень, свист тяжелых крыльев, месивших воздух.

Белосветный в недоумении вглядывался в ее лицо:

«Что это?»

Едва Бет открыла рот ответить, как воздух размылся, и двор внезапно наполнился статуями; их каменные тела пригнулись для боя, на лицах застыла ярость.

Девушка медленно встала, снимая с плеча копье.

У нее не было голоса, так что она позволила взгляду говорить за себя, медленно окидывая им Тротуарных Монахов, словно сердце и не думало заходиться бешеной дробью. Она приготавлилась к рывку. Звук бьющихся крыльев становился все громче, и высеченный из гранита полноразмерный ангел неторопливо опустил во двор.

Едва увидев ее, Иезекииль покачал головой. Бет посмотрела сквозь проковырянные в поющей осанну маске отверстия и представила зрачки, сужающиеся от ненависти.

– Вероотступница и барыга, – голос Иезекииля был сух, словно пыль. – Оба сразу. Это... почти разочаровывает. Взять их.

Статуи пришли в движение невероятно быстро. Бет почувствовала, как каменные пальцы сомкнулись у нее на руке. Вывернувшись из захвата, она ударила копьем. Камень треснул, и пыльный голос застонал. Девушка развернулась и чиркнула по ногам другого Монаха. Они оказались слишком быстры для ее глаз, но Бет чувствовала их через улицу и двигалась, не задумываясь, что делает. Ее босые ноги высасывали буйную энергию города, и она подстроилась под их скорость, скользя меж невидимых рук, словно сам воздух был смазан маслом. Бет била по коленям и локтям, используя только рукоятку копья, но била яростно. Статуи падали вокруг со звуком рушащихся зданий, и на долю секунды она вернулась на Поля Сноса, под мрачные тени кранов Выси.

Мелькнуло каменное крыло, врезаясь ей в челюсть. Голова откинулась назад, что-то острое пронзило язык. Кровь наполнила рот вкусом горячего асфальта.

Бет споткнулась и упала назад. Статуи окружили ее, почти заслонив сияние испуганного Свечника, потевшего от натуги горошинками чистого света, отталкивая смыкающихся Тротуарных Монахов своими полями. Камнекожие расступились, и над нею вознесся Иезекииль с крыльями, вытянутыми в тонкий силуэт: Иезекииль-фанатик, Иезекииль, последовавший за нею, советовавший и утешавший. Иезекииль, чью веру она разрушила, объявив его Богиню мертвой.

Бет сплюнула кровь и оскалилась в безмолвном стане, приготовившись к обрушивающейся на грудь ноге.

Но ничего не случилось.

Тротуарные Монахи стояли, словно стали обычными статуями: словно между их животами и спинами не было ничего, кроме твердого камня.

Секунды текли одна за другой.

Бет неуверенно поднялась на ноги. Теперь лица статуй казались пустыми, но девушка чувствовала исходящее от них удивление.

«Что? – спросила она. – Что такое?»

Девушка поморщилась, почувствовав резкую зубную боль, инстинктивно коснувшись нежного места проколотым языком. И запнулась. Зуб казался *чуждым* во рту: слишком тонкий, словно игла, острее клыков.

– *Виэ...* – шепнул Тротуарный Монах с усами викторианского джентльмена. Монах постучал по камню на запястье, и тот рассыпался, словно мел. На бледной коже красовалась серо-стальная Небоскребная Корона. Рука метнулась ко рту, и он пылко поцеловал татуировку.

Бет шагнула вперед, и священники расступились перед нею. Было что-то ужасное в фигуре Иезекииля, когда он уступил ей дорогу.

Подсвеченное Свечником окно туалета со встроенным вентилятором превратилось в тусклое зеркало. Поковыряв пальцами нижнюю губу, девушка нашла место, где болело. И уставилась в изумлении.

Примерно на треть длины челюсти десна высохла, став грубой, расколовшейся и растрескавшейся, но трещины были геометрически правильными, подчеркивая острые прямые углы, выделяя крошечные четырехугольники из шероховатой плоти.

«Нет, не плоти, – с содроганием поняла она. – Кладки».

На месте клыка крошечные кирпичики собирались в узкий конус церковного шпиля. Венчающий его острый железный крест блестел от ее крови.

В сознании девушки мелькнули слова Свечника: «стереть церковношпильную улыбку с ее лица...»

– *Мать Улиц*, – снова выдохнул Тротуарный Монах.

Из глубины капюшона странно покорный канализационщик глядел на нее черными влажными глазками.

Глава 8

Среди ночи Кара прошла по дому, уничтожая следы себя.

Это оказалось не так-то просто. Джонни Нафта очаровательно заверил девушку, что прозрачная резко пахнущая жидкость, которую он ей вручил, смывает дочь из родительских умов, словно *совсем слабое загрязнение*... Но с каких пор люди хранят воспоминания исключительно в голове?

Она нацарапала список на листочке, вырванном из блокнота, висящего на двери холодильника: «Книги, плакаты, фото (каминная полка), фото (лестница), велоцераптор Венка, домашние видео, фейсбук, твиттер, компьютер, память телефона, ноутбук, школьные отчеты, свидетельство о рождении...»

Девушка шастала туда-сюда по коридорам, словно домовник, таская за собой два внушительных вещмешка на «молнии», вычеркивая пункты из списка, бросая в них куски своей жизни.

В небольшой сумке через плечо звякнула склянка, врученная ей Джонни Нафтой.

– Ссие сснадобье более чем патентованное, – заявил он, вкладывая бутылочку девушке в руки. – Его приготовление – ссекрет, который мы открыли лишь одному перссонажу. Ессли оно «случайно» перейдет из твоего владения в другое, нам придется пойти на ссамые крайние меры.

Кара отмахнулась от проблемы, как от несущественной. Кому такое продашь?

Девушка остановилась в дверях на кухню. На выцветших обоях красовался ряд карандашных линий, отмечающих головокружительное восхождение маленькой Парвы до конечной отметки в сто семьдесят сантиметров: просто гималайский рост для женщины из семьи Хан. Маме приходилось взобраться на толстенную телефонную книгу, чтобы увидеть макушку дочери.

Вздохнув, Кара взялась за ластик.

Пронзительный писк заставил ее подскочить. Цифры на часах горели зеленым: 6:25. Мамин будильник зазвонит через пять минут. Что осталось? *Еда*. Кара кинулась на кухню, распахнула холодильник, сгребла остатки овощных котлет, приготовленных пару ночей назад, в мусорное ведро. И заколебалась. Приютившись за парочкой старых луковиц, стояли два пластиковых контейнера с зелеными крышками. В семейном холодильнике Ханов они были чужаками, но Кара признала в них эмигрантов, поселившихся три года назад, когда у мамы заподозрили рак, и в их далстонскую двухэтажную квартиру нагрянул легион тетушек, кузин и подруг, наполняя дом ароматами домашней пищи и отвлекающим трепом. Когда Кара вышла из больницы, холодильник оказался забит контейнерами с крышками всех цветов радуги – дело рук той же «секты».

Четыре месяца спустя остались только зеленые, наполовину заполненные неповторимым нутом тетушки Сариты. Как ничто другое эти зеленые крышки показывали, насколько маме было больно.

«Синод или не Синод, – подумала девушка, сглатывая внезапно пересохшим горлом, и, напыщенно кивнув самой себе, вытащила контейнеры, – а, может, так действительно лучше».

Она повернулась и понеслась обратно через гостиную к себе наверх, походя сметая кучку пропущенных фотографий с телевизора и застегивая мешок.

Когда она вышла, мама ждала, завязывая зеленый халат с терпеливым подозрением на лице. Кара небрежно прикрыла за собой дверь.

Мама нахмурилась, но сказала лишь:

– Снова в школу пораньше? Хоть позавтракаешь?

Прежде чем ответить, Кара прикусила губу, унимая угрожающую дрожь:

– С удовольствием, мам.

Она сидела за кухонным столом, уставившись на собственные сцепленные пальцы, пока мама хлопотала у нее за спиной: кастрюльки лязгали, из кранов бежала вода, дверцы шкафа хлопали, производя грохот, способный разбудить если не мертвого, то, несомненно, дремлющего отца семейства. У Кары возникло неприятное ощущение, что мама зовет мужа для моральной поддержки.

Еда, расставленная по столу, соотносилась с Кариной обычной утренней мисочкой хлопьев, как флот США – с резиновой уточкой. Темно-золотистая паратха³ с хрустящей корочкой и вязкой серединкой, два вареных яйца с вихляющимися желтками, фрукты, йогурт и – поскольку Самира Хан была матерью и знала, что любит ее лапочка, пусть даже не одобряя этого, – крошечная миска хлопьев. Закончив, миссис Хан присела на краешек кухонного стула, потягивая из щербатой кружки сладкий чай и улыбаясь, как всегда, немного взволнованно.

Кара принялась за еду. В животе стрельнуло, когда она подумала: «Я спалилась». Глубокий материнский инстинкт уже раскрыл ее планы, и мама, как могла, пыталась помочь: теперь, по крайней мере, ее дочурка хорошенько подкрепитя, прежде чем вырвет из груди трепещущие сердца родителей и снова исчезнет.

Но потом она поняла, что мама на самом деле пыталась сказать: «Ты худеешь. Запястья стали слишком костлявыми. Ешь. Ешь и дай мне ухаживать за собой. Я за тебя переживаю».

Кара замялась, а потом, взяв паратху, – какое неловкое и незнакомое чувство, – оторвала кусочек и сунула в рот. Она оказалась невероятно вкусной и практически непроглатываемой. Свет, проникающий через окно, постепенно разгорелся на полную яркость.

Отец проскрипел вниз по лестнице. Совершив двойной подход к щедротам изобилия на столе, проворчал, что ему жена давно уже не накрывает такой завтрак. Прежде чем с хрустом развернуть утреннюю газету, нарезал себе хлеба.

Порывшись в сумке, Кара вытащила блокнот с огрызком карандаша на веревочке и аккуратно положила на стол.

– Что это? – поинтересовался отец.

– Школьная работа, – ответила Кара.

– «Исследование условий проживания», – прочитал он заголовок бланка.

– Это по географии.

– Так теперь раскраски называют, – сияя, хмыкнул он, вернувшись к своей газете. «Старый ворчун» из отца получался менее убедительным, чем у кого-либо на памяти живущих, но он любил пробовать.

– Помню день, когда мы сюда переехали, – проговорил он. – Твоя мать была на восьмом месяце, и живот ходил перед нею, словно большой белый корабль в начале «Звездных войн».

– *Звездный разрушитель*.

– Точно! Местечко оказалось дряхлее нашего восемнадцатилетнего кота, но для троих места – предостаточно, и мы могли его себе позволить.

Кара незаметно проверила уровень чая в их с мамой чашках.

Когда отец втянул осадок, звуча, как старый водопровод, девушка спросила:

– Еще чая, папа? Мама? – ее голос не дрогнул.

Родители, счастливо бормоча, протянули кружки.

Кара включила чайник и, пока он закипал, вытащила из сумки врученную Синодом бутылочку. Заключение внутри металлического цвета жидкость, подвижная, словно ртуть, отличала маслянистым радужным блеском. Девушка встрясла в каждую чашку по паре капель,

³ Традиционная для индийской кухни бездрожжевая лепешка из цельнозерновой муки грубого помола со специями и начинкой (обычно – картофельным пюре, овощами с карри, сыром или грибами).

непринужденно загораживая их собственным телом. Только позвякивание ложки об эмаль, когда она размешивала сахар, могло бы указать, что ее руки дрожали.

– Спасибо, дорогая, – проговорила мама, с благодарностью принимая кружку.

Отец приподнял свою кружку, глядя на женщину, которую любил вот уже два десятка лет, и она ответила ему тем же. Оба подули на обжигающую жидкость, а потом с синхронностью, которой позавидовал бы сам Синод, отхлебнули.

Родители замешкались, их лица затуманились недоумением.

Кара вскочила, словно их замешательство было стартовым пистолетом. Девушка ловко шагнула вперед и вытащила кружки из их внезапно ставших резиновыми пальцев. Взяла из сумки пару пустых склянок, скрутила крышки и слила туда остатки «чая». Жидкость блеснула ей, злорадно и серебряно, и Кара поспешно закрыла колбы.

Что-то острое вонзилось в Карину грудь. Пульс бился, как ненормальный, но она не остановилась. «Некогда сомневаться. Нечкогда думать дважды. – Для этого и существовал план. – Давай, Кара, держи себя в руках».

Упаковав склянки, девушка повернулась на каблуках, плюхнулась на свой стул и толкнула тарелку локтем, чтобы та оказалась перед мамой. Взяла блокнот в одну руку, а свой чай – в другую.

Кружка грохнула по зубам, когда она отхлебнула.

– Итак, – пробормотала она, заставляя себя говорить спокойно. «Подними глаза, Кара, подними глаза». Ее глаза устремились на шероховатость стола. Мышцы шеи словно парализовало. «Подними. Глаза».

– Вы рассказывали?

Когда Кара таки подняла голову, воздух показался ей густым, словно зыбучие пески. Пару секунд мама моргала на нее в полном непонимании, а потом отреагировала.

Это было едва заметное движение. Манеры миссис Хан оставались безупречными, а самоконтроль – бесподобным, так что движение составило буквально долю дюйма, но разорвало Карино сердце. Она видела, как мама отшатнулась от покрытого шрамами лица незнакомой девушки.

– Вы рассказывали, – как ни в чем не бывало повторила Кара.

– Я... я рассказывала?..

– Как давно живете на этой улице, – пояснила Кара, улыбаясь тщательно отрепетированной улыбкой, словно ее слегка озадачила необходимость повторять. – Для моего исследования по социально-экономической географии. Как я уже сказала, миссис Хан, я обхожу соседей. Здорово, что вы и мистер Хан согласились помочь мне со школьным проектом.

Я здесь недавно, и знаю немногих, у кого можно спросить.

– Ах... да, ко... конечно... – Самира Хан схватилась за этот спасательный круг разговора, словно тонула. Она выглядела глубоко расстроенной, что не могла ничего вспомнить, но, видимо, решила подыграть, пока не появится лучшее объяснение. – Мне кажется, – проговорила она, – лет семнадцать?

– Верно, – Кара обернулась к подавшему голос отцу. Тот недоуменно поморгал на нее, потом – на раблезианский завтрак, словно они оба просто изверглись сквозь половицы.

– Здорово, спасибо. Мистер Хан... а вы, случайно, не помните, что привело вас сюда, на Уэндовер-роуд?

– Э-э-э... – лицо тикового цвета искренне сморщилось, когда мужчина попытался припомнить. Кара тихо, неглубоко вздохнула. – Боюсь, что нет... Возможно, работа? Так давно это было...

Кара кивнула, понимая и благодарно, проглатывая смесь облегчения и желчи, прежде чем они ее задушат.

– Спасибо, – проговорила она, стараясь поярче насытить голос благодарностью. – Вы очень помогли, мистер Хан, миссис Хан. Извините, что прервала ваш завтрак. Пахнет необыкновенно. Миссис Хан, должно быть, вы чудесно готовите.

Застенчивая легкая улыбка Кариной мамы, храбро сразившись с недоумением, одержала верх.

– Спасибо. Хотите взять с собой хлеба?

Входная дверь хлопнула с душераздирающе знакомым скрипом. Девушка сжимала слегка теплый контейнер с паратхой. Холодный ветер шептал ей в платок и гладил ресницы. Она испустила прерывистый вздох.

На плече сомкнулись пять тонких пальцев, а сзади почувствовалось присутствие кого-то, кого не было мгновением раньше. Едкая маслянистая жидкость просочилась сквозь куртку. Кара, не оглядываясь, порылась в сумке и передала склянки через плечо.

Отпустив девушку, рука схватила склянки. По коже прошел легкий холодок, словно длинное, тонкое насекомое пробежало по сердцу. Почувствовав, как в ладонь вдавилось холодное стекло: два тонких флакона, она с усилием обхватила их пальцами.

Ощущение присутствия исчезло.

– Окей, – бормотала она про себя снова и снова. – Окей. – Хотя правды в этом было не на грош. – *Окей.*

Девушка уставилась на помутневшие латунные цифры на двери. Уэндовер-роуд, 47. Теперь остался лишь один способ вернуться в этот дом, и он лежал через зеркало: окно, которое ей предстояло превратить в дверь. Теперь причин проходить в эту дверь стало две: зеркальная сестра и выкуп за проданные родительские воспоминания.

Иначе вернуться домой она не могла.

Кара отступила на пару шагов, слегка поскользнувшись на подмороженном асфальте, развернулась и побежала, не в силах больше глядеть на родной дом.

Глава 9

Скорчившись от холода, Кара смотрела, как одетые в форму фигуры бегут вверх по ступенькам полицейского участка через дорогу. Беспокойно потерла большим пальцем экран телефона. Уйдя со своей улицы, она машинально включила его, и сигнал автоответчика чуть не заставил девушку выпрыгнуть из кожи.

– Парва, это детектив Джульетта Эллис из Блэкфрайарского участка. Мне очень жаль, но система полностью забита, и ближайшая дата, которую удалось пробить для слушания твоего дела, – двадцатое июня. Слушай, я понимаю, это удар, но, пожалуйста, постарайся не терять присутствия духа. Иногда шестерни закона мелют медленно, но мы своего добьемся. Перезвони мне, если есть какие-то вопросы или просто хочешь поговорить. Парва, я верю, что мы справимся, если ты останешься сильной, верю, что мы избавимся от него. До связи.

Кара принялась терзать кожицу в основании ногтя большого пальца. *Я верю.*

Три месяца назад это были единственные два слова, которые она хотела услышать от сухой полицейской с задумчивым голосом. Тогда эти слова были всем, что имело значение, сейчас же отозвались звенящей пустотой. Кара чувствовала, как ее заполняет удушающее разочарование. Каждый перенос слушания дела создавал впечатление, что его могут просто замять, что ничего вообще не произойдет, а теперь...

Двадцатое июня. Дожить бы еще...

Коренастая женщина в кожаном пальто и наушниках, напевая под нос и выпуская маленькие облачка пара, отделилась от толпы пассажиров и направилась к лестнице. Отлепив себя от стены, Кара сошла с тротуара. Если она собиралась сделать то, ради чего пришла, самое время.

Но на полпути через дорогу она запнулась. Вздогнув от гудка черного такси, отскочила назад, пропуская его. Еще раз прокрутила в голове, что хотела сказать Джульетте, отчаянно надеясь, что она придет сюда.

«Я должна уйти. Вернуться, возможно, не смогу. Если не смогу, пожалуйста, все равно прижмите его. Попробуйте».

Она хотела быть уверенной. Мысль о Солте, избежавшем наказания, заполняла ее разум чистой белой яростью, вытесняя все остальное. Но теперь, когда пришло время, Кара услышала, как это прозвучит для полицейской, и сколько вызовет неразрешимых вопросов.

«Ты должна уйти? Куда?»

И еще хуже: «Ты передумала?»

В сторону девушки хлынуло еще больше машин, и она попятилась к тротуару. Она смотрела, как хвост пальто детектива Эллис исчез за дверью. Подумала было последовать за нею, совершить, так сказать, официальный визит, но какой в этом толк? Да и времени оставалось в обрез.

«Ты просто должна вернуться», – сказала она себе, удивленная и немного напуганная, насколько горяча была ее ярость: чуть ли не сильнее, чем желание снова увидеть родителей.

Сжав и очень медленно разжав кулаки, Кара развернулась и направилась к реке.

На востоке, через воду, она увидела «Осколок», возвышающийся над станцией «Лондонский мост». Узкий шпиль высочайшей на сегодня городской башни сломанным шилом прокалывал пейзаж. На его неровную вершину, как тонкая долговязая птица, взгромоздился кран, и Кару передернуло.

По первоначальному плану она хотела пробраться в заброшенный женский туалет и пройти сквозь зеркало там, где последний раз видела Парву. Но она отправила в Фростфилд грозное письмо на поддельном бланке дорого звучащей юридической фирмы, найденной на просторах Сети, сообщавшее, что Кара еще не оправилась от того, что школа «позволила Труди Шталь причинить ей», и что Фростфилд под страхом убийственного иска не должен пытаться

с нею связаться, пока семья Хан не сообщит о своей готовности. И теперь не могла допустить, чтобы ее поймали около школы.

Девушка расстегнула «молнию» сумки, звякнув склянками Синода. Зимнее солнце четко выгравировало ее отражение на окнах, мимо которых она проходила, но даже в столь ранний час вокруг шаталось слишком много народа.

Где же?

Пораженная идеей, девушка поспешила по скользким каменным ступеням к подножию Блэкфрайарского моста.

Дыхание затуманило воздух перед лицом. Река вблизи выглядела так, словно вот-вот замерзнет. Она вяло переливалась, словно огромная серебристая змея в преддверии зимней спячки. Кара вгляделась в рябящее мутное отражение, в тени от выпирающих шрамов. За нею медленно коробились Риверсайдские высоты, изгибаясь вместе с течением.

Чем не зеркало? Да, странное, зато, если ничего не получится, не придется вытаскивать застрявшие между пальцев осколки стекла.

Не дожидаясь, пока нервы сдадут окончательно, она открутила крышечку одной из склянок и, согнув запястье, дала прозрачной жидкости стечь в Темзу. Зелье растеклось, словно масло, успокаивая и проясняя водную гладь, пока вода под ним не стала совершенно невидимой. Отраженные здания перестали медленно вздыматься; их искаженные изображения застыли, словно в комнате кривых зеркал.

А *Карино* отражение...

У нее перехватило дыхание. Ее отражение исчезло.

Девушка вытянулась вперед, но там, где следовало быть ее лицу, увидела только ступеньки и перила. Словно стала невидимкой.

Позади нее по набережной шла обнимающаяся парочка. Она слышала их болтовню, но не видела отражений. Кривая улыбка коснулась ее губ: Кара поняла, что произошло.

Она неуверенно потянулась вниз, туда, где должна была находиться вода. Пальцы не нащупали ничего, кроме воздуха.

В реке образовалась дыра – по форме лужицы, которую девушка налила из склянки. Кара поняла: волнистые искаженные здания у нее под ногами, на которые она смотрела, были не отраженными, а настоящими: из твердого раствора и кирпичей. Словно она пробила дыру в зеркале и обнаружила, что это окно. У краев отверстия плескалась Темза. Капли брызнули и упали вверх на отраженное небо, как перевернутый дождь, а потом пропали из поля зрения.

Карин желудок сжался, и она на цыпочках подошла к краю реки. В этот длинный-длинный туннель – вниз или вверх неважно – следовало упасть.

Внезапный взрыв синтезатора и басов из телефона заставил ее подскочить, чуть ли не перекувыркнувшись.

Сообщение от Бет: «Надо увидеться».

Кара замешкалась: большой палец замер над кнопками – набрать ответ. Второй рукой она полезла в сумку и коснулась другой вещи, которую взяла с собой: яичной скорлупки из крапчатой черепицы с несколькими шиферными перышками внутри.

«Никаких сообщений, – сказала она себе, – никаких подсказок или таинственных комментариев». Она не оставит Бет никаких разрозненных картинок для сборки, никакой «изломанной гармонии». Бет слишком умна. Она бы во всем разобралась и пошла за подругой на фабрику Синода, заплатив столь же ужасную цену, что и Кара, если не хуже – кто знает, какую выгоду Джонни Нафта пожелает извлечь из новоявленной Дочери Улиц, если та согласится стать его должницей.

С шепчущим вздохом дыра в реке начала затягиваться. Окно закрывалось.

Так и не ответив, девушка положила телефон обратно в сумку, пытаясь взять себя в руки и заставить прыгнуть. Один страшный миг ноги не слушались, Кара смотрела на съеживаю-

щееся отверстие. Через несколько секунд брешь стала бы совсем узкой – не протиснешься. Девушка представила, как застрянет: голова и туловище, торчащие из Темзы, и ноги, свешивающиеся в зеркальную реку, словно у сумасшедшей синхронистки.

Отверстие стало сжиматься еще быстрее. Кара видела, как на волнах начало проступать ее отражение. Девушка сосредоточилась, и ее колени мучительно медленно согнулись.

– Кара! – рывкнула она на себя и прыгнула.

На долю секунды она ударилась о пустой воздух, а потом полетела через дыру в реке. Вода на краю забрызгала лицо.

Поперхнувшись, Кара почувствовала, как в горле взыграли полтонны паратхи. Под молящими ногами простирались пока далекие отраженные здания. Она падала, все быстрее и быстрее, ветер, шлепающий по лицу, откинул ее голову назад. Девушка посмотрела вверх: она падала через туннель в воде, словно какой-то водный кролик. На мгновение она увидела башни своего родного города, сияющие в ярких лучах зимнего солнца на невообразимой высоте над головой.

А потом туннель-рот сомкнулся над нею...

Вода грохотала, навстречу неслись жидкие стены.

Кара сделала последний безумный вдох, прежде чем обновленная Темза врезалась в нее, словно гигантский кулак. Вода прервала падение, и девушка резко дернулась вверх; кровь забарабанила в ушах, голова пульсировала от каждого удара сердца. Кара билась и барахталась, толкаясь вверх, отчаянно стремясь к воздуху, но вода вокруг оставалась такой же илистой, однородно-зеленой, без признаков солнца. Она тонула, чувствуя какую-то невидимую силу, тянущую ее вниз. Сияясь всплыть, Кара по инерции молотила руками по воде, густой, словно патока. Казалось, легкие вот-вот лопнут, но как бы сильно Кара ни прищуривалась, сквозь илистую толщу Темзы не было видно поверхности.

Остатки драгоценного последнего воздуха раздували щеки, сияясь вырваться через рот. Девушка попыталась проглотить его обратно, но полный пузырь предательски проскользнул между губ.

И устремился *вниз*, мимо ее ног.

Понимание явилось белой вспышкой в страдающем от кислородного голодания мозгу: «Конечно: *это же зеркало!* Здесь верх – это низ, а низ – долбаный верх!»

Маленькие звездочки взорвались у нее в глазах, оставив после себя крошечные черные дыры. Повернувшись на сто восемьдесят градусов, Кара перестала бороться и грести, позволяя невидимой силе подхватить себя и резко потащить сквозь воду. Смежив веки, она тяжело выдохнула.

Глава 10

Кара всплыла, и в уши тут же хлынул шум. Воздух наполнился криками и визгом сирен, но девушка слишком устала, чтобы об этом волноваться. Прочистив от воды горящий нос, она раскинула руки и ноги, словно лучи морской звезды, и поплыла на спине, дыша полной грудью, упиваясь чудом плавучести после того, как чуть не задохнулась. Немного повернув голову, девушка поняла, что выплыла на середину реки. Увидела фигуры в темной форме, взволнованно снующие взад-вперед по набережной, указывая на нее. Повсюду слышался «белый шум» раций.

Наконец плеск потревоженной воды, сирены и люди в форме сложились в Кариной голове в единое целое. Ее спасали. Люди в доке и пловец – должно быть, копы, решившие, что она тонет.

– Я в порядке, – попыталась сказать она пловцу, но вышло лишь карканье.

Она силилась поджать ноги, шлепая по беспокойной глади Темзы и вытягивая голову из под промокшего платка.

– Я в по... – снова попыталась она, но слова умерли на губах.

Подплывающий к Каре мужчина не походил на спасателя. Тощий, словно зубочистка, промокшая одежда, прилипшая к телу, вся изодрана. Бледные шишковатые локти высывались через дыры в рукавах, пока он бешено молотил по воде руками. Балахон, волосы и всклокоченная спутанная борода пропитались чем-то черным и покрылись илом.

А глаза...

Они широко выпучились от натуги, а, может, и от страха. Мужчина тянул себя по воде паническими неумелыми гребками. Когда же взгляд пловца упал на Кару, его лицо вытянулось от удивления.

Позади него на набережной фигуры в форме перестали метаться. Рации протрещали, пролаяв команду, и двое полицейских подняли к плечу винтовки.

Пловец протянул к Каре руку. Пальцы его походили на белые веточки, ногти посинели от холода.

– Помогите... – вода плеснула мужчине в рот, и он подавился словом.

Выстрел взрезал воздух.

Пловец резко зашипел. Из его плеча вырвались красные брызги. Кара почувствовала теплую дымку на лице. Пловец дергался и бился, крича и глотая воду. Кара инстинктивно толкнула себя к нему и попыталась подхватить снизу, однако бьющиеся ноги мужчины тут же переплелись с ее ногами. Он оказался слишком тяжелым. Ледяная вода Темзы сомкнулась над девушкой, и она глотнула ее, отдающую металлическим привкусом крови. Потом, борясь и пинаясь, высвободила ноги, сражаясь за воздух всего в дюйме от лица мужчины. Даже с заложенными ушами, вырвавшись на поверхность, девушка услышала рычание лодочного мотора. Она по-прежнему не могла дышать: мокрая ткань забила рот – Кара всплыла прямо под плавающим по поверхности платком, накрывшим ее лицо, словно саван. Охваченная паникой, она попыталась высвободить руки из хватки пловца.

Но теперь мотор ревел громко, близко, и, когда он затих, сильные руки подхватили ее под мышки. Кара обмякла, и ее вытащили. Все еще ослепленная платком, она упала в лодку. Мотор поперхнулся и снова взревел. Через пару мгновений лодка на что-то наткнулась, а еще через одно Карино тело швырнули на сушу.

– На колени.

Голос звучал глухо и искаженно. Впрочем, приказ оказался излишним из-за толчка, и без того бросившего Кару коленями на влажные плиты. Справа кто-то – очевидно, пловец, – мучительно стонал. Послышалось мясистое «хрясь!» и стоны оборвались, сменившись рез-

кими отрывистыми вдохами. Острый запах мочи ударил Каре в нос. Она по-прежнему ничего не видела: мокрый платок облепил верхнюю половину лица, словно осьминог. Кара попыталась поднять руки, чтобы сдвинуть его, но они оказались прижаты к спине. Щелкнул замок, и что-то пластиковое врезалось в запястья, стягивая их. По каменным плиткам проскребли ботинки. Холодный металлический кружок прижался к Кариней шее, и она замерла. Раздался щелчок – в точности как звук взводимого пистолета в кино, только ближе и ужасающе персонально.

– Безликая мразь, – загудел в ушах странно электронный голос. – Я могу казнить тебя прямо сейчас, смекаешь? Хочу, чтобы ты была в курсе. Чтобы ты была в курсе, мразь! Я могу снести твою полуотраженную гадскую башку с плеч, и никто и слова не скажет.

Челюсти Кары свело от страха, но она постаралась их расслабить.

– Я... я н-н-не...

– Заткнись. – Ствол сильнее вжался в шею, и девушка закусила губу. – Я не хочу выслушивать, как ты все отрицаешь. Тебя поймали с поличным. Даже если бы ты не скрывала свой эндаумент, очевидно, что ты – одна из них.

«Скрываю что? Одна из кого?» Но ужасающе холодное давление на шею удержало ее от того, чтобы высказаться вслух. Девушка почувствовала, как человек, стоящий у нее за спиной, наклонился к ней.

– Я чертовски *любил* эту девчонку. Мои *чертовы* дети любили эту девчонку. Твои люди больные...

– Меннетт, – прервал его другой голос, – неприятель обезврежен?

– Да, капитан, – бойко ответил человек за Карой.

– Тогда, как думаешь, могли бы мы продолжить аресты на неделе? – Голос капитана так же металлически гудел, но казался сухим и почти скупающим. – Я предпочел бы встретить погодосмен под крышей.

Кара почувствовала, что похититель за ее спиной выпрямился.

– Полуотраженная! – сухо обратился он к ней. – Я арестовываю тебя за принадлежность к террористической организации и заговор с целью совершения антиэстетических актов и похищения зеркалократки. – Он помолчал. – И не абы кого из Зеркальной знати, – добавил он голосом, сочащимся отвращением, ткнув девушку сапогом, словно она была чем-то мерзким, – а леди, черт побери, Парвы Хан.

Кара непроизвольно дернулась от удивления, и оба мужчины заорали:

– НИ С МЕСТА! НИ С ЧЕРТОВА МЕСТА!

Что-то тонкое, но твердое хлестануло ее по щеке. На долю секунды мир побелел, и девушка завалилась набок. Она проглотила выбитый зуб, и рот наполнил вкус крови. Девушка была ошарашена, голова пульсировала, и Каре захотелось встряхнуть ею.

– Пофалуйста... – попробовав заговорить, она поняла, что прикусила язык, когда ее ударили. – Пофалуйста, фнимите мой плафок...

– Заткнись! – прорычал Меннетт.

– Плафок, – промямлила Кара. – Пофалуйста, профто пофмотрите на мое лифо...

– Вперед, сержант, – судя по голосу, капитана позабавила ее просьба. – Я не предлагаю брать в привычку исполнение приказов террористов, но, в конце концов, таков закон...

– Дернешься, и я разнесу твою башку, – снова предупредил Меннетт, возможно, на случай, если Кара забыла его слова за последние восемь секунд. Пальцы поймали прилипшую ткань, сдвигая ее с лица.

Кара не видела практически ничего, кроме черных ботинок, но почувствовала, как изменилась атмосфера.

Повисло долгое молчание.

– Пресвятая Матерь Зеркал, – прошептал Меннетт.

Кара повернула голову, чтобы посмотреть на него. Все пятеро были в бронежилетах, выглядевших гораздо тяжелее тех, что носили полицейские, разгонявшие беспорядки дома, – почти как у средневековых рыцарей, только из черного кевлара и углепластика, а не стали. Забрала на шлемах были сделаны из матового стекла. Даже под обезличивающим снаряжением поза Меннетта выдавала ужасное замешательство, как если бы он отпустил расистскую шуточку, а потом обнаружил, что за спиной стоит Майк Тайсон. Его голова повернулась к стволу пистолета, словно он винил оружие за то, что ударил им девушку по челюсти.

Нарочито медленно Кара нащупала языком выбитый зуб и сплюнула его на землю. Меннетт дернулся, когда слюна пополам с кровью брызнула на камни.

– Сержант, – голос командира казался натянутым, словно струна арфы. – Как думаете, вы можете срезать с графини наручники? И помочь ей подняться?

– Конечно, конечно, – выпалил Меннетт. – Мне так жаль, миледи... Я не... я не хотел... вы просто закрыли *лицо*... Я не увидел ваш эндаумент. Подумал, вы – повстанец... – Он осторожно поднял Кару на ноги, секунду повозился с ее запястьями, и путы спали.

Все черно-бронированные фигуры выстроились перед нею. Она не могла сказать наверняка из-за шлемов, но чувствовала, что они пялились во все глаза.

На плече одного из них красовались серебристые шевроны. Он встряхнулся и вытащил из-за пояса рацию.

– Докладывает Корбин. Мы обнаружили леди Хан. Повторяю: обнаружили леди Хан. Подозреваемый вывел нас прямо на нее. Она не пострадала, но находилась в реке и получила... э-э... незначительные повреждения. Мы доставим ее в Сент-Янус для медицинского освидетельствования. Прием.

Кара отчетливо услышала, как рация проскрежетала в ответ: «Отставить, капитан. Доставьте графиню во дворец для немедленного допроса».

Капитан явно удивился противоречию, но сказал лишь:

– Понял. Доставить во дворец. Конец связи.

Кара потеряла запястья, возвращая им чувствительность. В голове бешено метались мысли.

Парни с пушками явно приняли ее за зеркальную сестру, и коль скоро это представлялось единственной причиной, почему они больше ими в нее не тыкали, девушка не спешила их разубеждать. Но *леди Хан*? Графиня? Дворец? Кем Парва была *здесь*?

Кара подняла взгляд. Здания, сгрудившиеся на набережной, походили на кривозеркальные отражения домов, которые она помнила. Она узнала лошадей в стиле ар-деко возвышающегося над нею здания «Юниливер» и старую электростанцию на противоположном берегу, приютившую галерею Тейт, только здесь они казались выше, и их силуэты рябили, уходя в небо, знакомые очертания сгорбились от странных наростов из кирпича и камня.

«Они выглядят так, как отражения в реке дóма, – удивилась Кара. – Вот, что они на самом деле такое».

Рубящий звук притянул ее взгляд обратно на тротуар.

Оборванный пловец лежал на спине, глаз выкатились, когда он кашлял, изо рта вылетали капельки окрашенной кровью слюны. На плечо ему шлепнули медицинский тампон, прихваченный полуоторванным пластырем, но на левой щеке расцвел внушительный синяк. Его ударили пистолетом еще *сильнее*, чем Кару, и она вздрогнула, как жутко это выглядело. Голова мужчины свесилась набок, показывая еще один синяк на правой щеке.

Кара похолодела.

Этот синяк оказался идентичен первому, с точно таким желто-фиолетовым рисунком на белой коже. Собственно, теперь она увидела, что вся правая сторона его лица была такой же, как и левая, вплоть до направления завитков бороды. Мужчина был совершенно симметричным.

В ярком утреннем свете что-то поблескивало у него на голове. Рассекая лицо от волос до подбородка, через переносицу шла пунктирная серебристая линия – тонкая нить, входящая и выходящая из кожи, как защитные полосы на банкнотах, отмечая ось симметрии, словно край зеркала.

Сержант Меннетт поймал ее взгляд.

– Вы в порядке, мэм? Этот несчастный ублюдочный террорист вас обидел? Хотите вре-
зать ему пару раз?

– Что? Нет! – Кара не сводила глаз со зловеще симметричного мужчины у своих ног. – Он меня не тронул... я никогда не видела его прежде.

Капитан Корбин повернулся к Каре:

– Простите, миледи, но вы утверждаете, что не узнаете этого человека? Но... – он не договорил.

– Но что? – Кара уставилась на него.

Следующий вопрос Меннетта вышел осторожным и нервным:

– Мэм, если это не он вас принудил, то как вы оказались в воде?

– Я... я... – Кара перевела взгляд с одной бронированной фигуры на другую, но помощи ждать было неоткуда. Пришлось ухватиться за самую простую ложь в мире. – Я не помню.

Капитан проговорил в рацию:

– Прием. Похоже, леди Хан понесла некоторые потери памяти. Обращаю внимание на возможную травму головы, прием.

– Разорви меня граната! – горячо пробормотал Меннетт.

– Принято. По прибытии во дворец вас будет ожидать медицинский персонал. Везите ее немедленно, капитан. Приказ из кабинета сенатора, прием.

– Принято. – Капитан шагнул вперед. – Пожалуйста, пойдете с нами, миледи. Теперь вы в безопасности.

Кара не знала, что делать, но кивнула. Рука в черной перчатке взяла девушку за локоть, и ее осторожно повели по набережной. Прикосновения сержанта Меннетта были такими робкими, что Кара едва их чувствовала. Когда ее вели вверх по ступенькам, она обернулась на тощую фигурку, лежащую ничком на каменных плитах. Кровь стекала на бороду из рассечений в центре синяков, красные капельки двигались по одинаковым дорожкам вниз по щекам.

Кара отважилась рискнуть:

– Сержант, – тихо проговорила она. Язык по-прежнему казался огромным.

– Да, мэм?

– Этот человек, – сказала она. – Он не причинил мне вреда. Удостоверьтесь, что не причинили вреда ему.

– Миледи... – начал он.

– *Сержант*, – Кара намеренно употребила его звание, – мне кажется, я ясно выразилась. Я не хочу заострять внимание на этом, – девушка коснулась челюсти с расцветшим на ней синяком, – во дворце. Удостоверьтесь, что за ним присмотрят. Сейчас же.

Черно-бронированная фигура напряглась.

– Да, мэм. Я... я попытаюсь.

Что-то в его голосе подсказывало, что мужчина не очень-то рассчитывал выйти сухим из воды, но он отпустил ее локоть и вернулся вниз по ступенькам, перешагивая через две заразы. Поезд прогрохотал по железнодорожному мосту, когда капитан вел ее под ним. Черный внедорожник с тонированными окнами ждал их перед оштукатуренным зданием Школы Лондонского Сити. Две полицейских лошади ржали рядом с автомобилем – во всяком случае, Кара предположила, что это лошади. Они напоминали лошадей по форме, пахли лошадьми и были снаряжены седлами и шорами, но каждый их дюйм, от копыт до ушей, был обернут черной тканью. Животные походили на мумий – все перевязанные, за исключением темных дыр зия-

ющих ноздрей. Они фыркали, трясли головами и перетапывались. На машинах и животных красовалась одна и та же эмблема: белый герб с изображением стилизованного шахматного коня, а внизу – зеркально написанные, перевернутые буквы «РС».

Капитан снял черный шлем, открывая густые коротко остриженные волосы. Его широкое лицо оказалось почти таким же симметричным, как у пловца, и по центру тоже бежал ряд металлических стежков. Единственная разница между правой и левой сторонами заключалась в том, что левая бровь была коричневой, а правая – серой, и вокруг нее шла еще одна линия крошечных стежков. Кожа вокруг правой брови тоже была другой: сморщенной и пятнистой, словно ее пересаждали от мужчины гораздо старше его.

– Меня зовут Корбин, мэм, – сказал он. – Не знаю, что случилось с вашей последней охраной, но с эскортом Рыцарей Стекла никаких глупостей не будет. Мы со Сциллой о вас позаботимся. – Он с любовью погладил одну из лошадей-мумий, прежде чем распахнуть заднюю дверь внедорожника. – Поедем, как только вы устроитесь.

Кара почти не слушала. Она смотрела через его плечо на южный конец железнодорожного моста. Там располагался рекламный щит, водруженный на стену бруталистского перекрытия бетонного жилого дома.

В нижней части рекламы элегантные серебряные отзеркаленные буквы на черном фоне гласили: «УБЬДУС ЙАТЫПСИ gl.yrettolssalggnikool.www».

«ИСПЫТАЙ СУДЬБУ», – разобрала она, а потом и адрес сайта: www.lookingglasslottery.lg.

Над словами красовалось изображение девушки.

Кара едва ли почувствовала, как отвисла челюсть, а холодный воздух ворвался в легкие, когда она вдохнула.

Футов пятьдесят в высоту, с порами, увеличенными до размеров обеденной тарелки, и безупречным темным макияжем, делающим ее глаза светящимися и оттеняющим каждый отдельный шрам, Каре улыбалось ее собственное лицо.

Часть II. На голову выше

Глава 11

Уткнувшись лбом в окно, Кара изучала город, плывущий под неподвижными, словно каменными, облаками. Мужчины и женщины наводнили тротуары, толкаясь, прогуливаясь, смеясь в мобильники, уплетая бутерброды и жареную курицу из картонок навынос, или просто брели, погрузившись в себя, опустив головы и засунув руки в карманы. Они почти не отличались бы от лондонцев, если бы не жутковатая симметрия разделенных надвое лиц. Проходя мимо окон, они не отбрасывали отражений, словно город населяли вампиры. Местные не обращали никакого внимания на лондонцев, идущих по городу, отражавшемуся в *их* зеркалах, по городу, который Кара называла родным.

Однако большинство пешеходов не были совершенно симметричными. Как и у капитана Корбина, с одной или с другой стороны у них можно было заметить пришитые отличия: клочки более светлой или более темной кожи, родинки или шрамы, всегда отделенные от соседних участков окантовкой из серебряной нити. У некоторых было по несколько таких заплаток, и Кара подметила, что эти шли чуть прямее и увереннее остальных. Капитан Корбин скакал за автомобилем на своей спеленатой лошади, сквозь стекло доносилось цоканье копыт.

Над ними нависали растянутые и исковерканные здания: искаженные отражения тех, что остались дома. Старый паб «Черный монах» возвышался готическим кошмаром; «Огурец» растянулся в стеклянную слезу. Кара вздрогнула. Как будто Лондон, каким она его знала, потек под дождем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.